Н. М. ЗЕРНОВ

ЗАКАТНЫЕ ГОДЫ

YMCA-PRESS

В том же издательстве

Хроника семьи Зерновых. т. I. На Переломе. (распродано)

Хроника семьи Зерновых т. II. За рубежом (1921—1972), 1973, стр. 560.

Н. М. Зернов. Вселенская церковь и русское православие. 1952, стр. 318.

Н. М. Зернов. Русское религиозное возрождение XX века. 1974, стр. 382.

Н. М. ЗЕРНОВ

ЗАКАТНЫЕ ГОДЫ

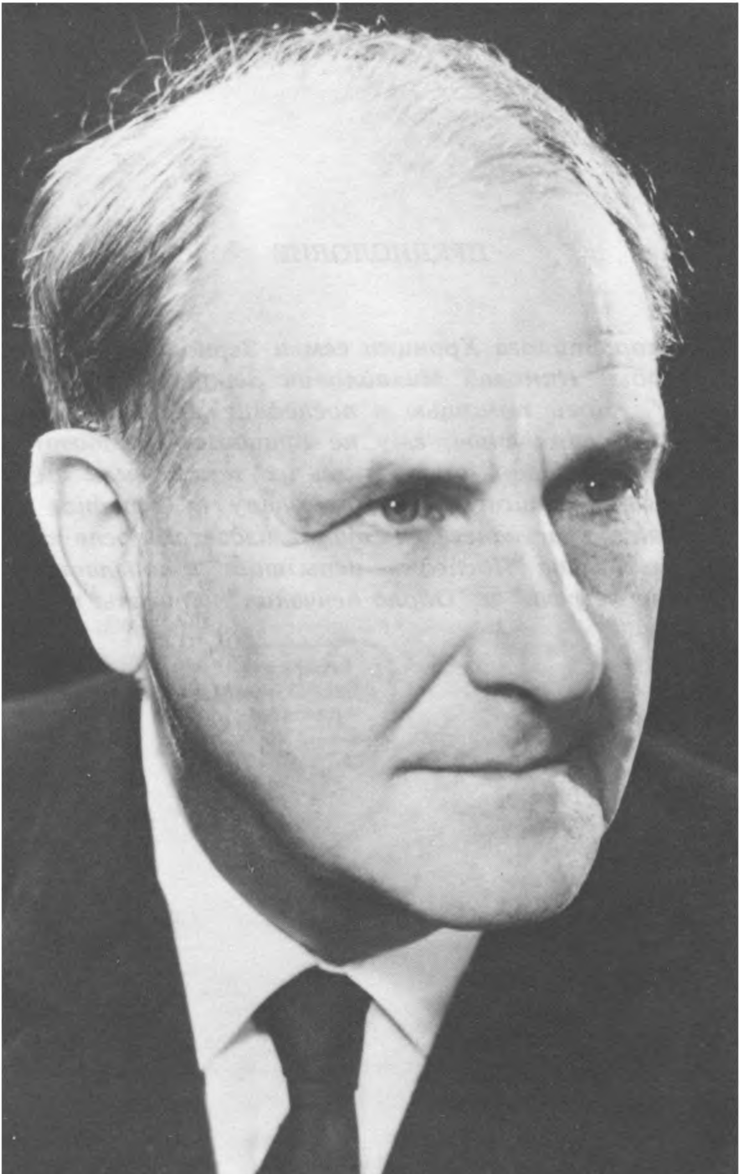
ЭПИЛОГ ХРОНИКИ СЕМЬИ ЗЕРНОВЫХ

YMCA-PRESS
11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève
PARIS 5e

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор Эпилога Хроники семьи Зерновых "Закатные годы" Николай Михайлович Зернов писал его главы с моей помощью в последние месяцы своей жизни. К сожалению, ему не пришлось поработать над окончательной обработкой их текста, как ему хотелось, и написать еще одну главу — "Западное и Восточное христианство". Эпилог издается после его смерти, и глава "Последние испытания" и подглавы — "Другие встречи" и "Обряд венчания" написаны только мной.

Милица Зернова

ВВЕДЕНИЕ

В 1970 году в Париже была издана книга "На переломе" (Три поколения одной московской семьи), в 1973 году там же вышла книга "За Рубежом" (Белград, Париж, Оксфорд). В этих двух томах собраны воспоминания восьми членов семьи Зерновых, повествующих о событиях русской жизни, начиная с 1812 по 1972 год. Семейная хроника встретила доброжелательные отзывы в русской эмигрантской печати и нашла круг своих читателей. Несмотря на все препятствия, она проникла и на родину.

"Закатные Годы" — эпилог хроники семьи Зерновых — отличается от двух предыдущих томов тем, что написан только мною и моей женой. Восемь лет, прошедших с окончания работы над вторым томом, были временем подведения итогов пережитого и проверкой убеждений, которыми вдохновлялась вся моя церковно-общественная деятельность. Эпилог состоит из четырех частей: первая часть содержит мысли о судьбах русской эмиграции, вторая описывает некоторые стороны жизни русской Церкви в эмиграции и ее участие в экуменическом движении,

в третьей собраны несколько мыслей о вере и жизни, в последней мы описываем нашу жизнь последних лет.

Есть книги, значение которых столь очевидно, что они не требуют никаких объяснений. Эпилог "Закатные Годы", наоборот, нуждается в оправдании, т. к. он описывает жизнь, не отмеченную никакими яркими или трагическими событиями. В авторе размышлений не следует искать оригинального философа или известного богослова. Их цель скорее в том, чтобы отразить мировоззрение той части русской эмиграции, которой не удалось почти ничего написать о себе. Богатейшая мемуарная литература, созданная в изгнании, является ценным вкладом в русскую историю нашего века. Она восполняет те пробелы, которые образовались на родине благодаря советской цензуре. Воспоминания, изданные за рубежом, распадаются на две части: они или описывают предреволюционную Россию или же повествуют о тяжелых переживаниях, выпавших на долю жертв советского режима. О жизни же и настроениях самой русской эмиграции написано очень мало, и это не случайно. Старшее поколение первой эмиграции жило прошлым, младшее все более и более сливалось с жизнью стран, приютивших его, но была еще средняя прослойка, состоявшая из тех русских, которых революция застала еще на гимназической скамье или, как меня, на первых курсах университета. Это поколение было сожжено революцией. Она настигла его в том возрасте, когда формируется мировоззрение и определяется все дальнейшее направление жизни. В своем подавляющем большинстве эта молодежь была уничтожена, но те, которым удалось вырваться из красного окружения, унесли с собой память о России, охваченной пожаром революции.

Это ”Незамеченное поколение”, как назвал его В. С. Варшавский, заслуживает внимания, т. к. именно в течение десятилетия 1907—1917 годов произошли значительные сдвиги в мироощущении этой подрастающей молодежи моего поколения. Многие из нас стали освобождаться от одержимости революционными идеологиями, выходить из удушливой атмосферы партийных кружков и бесконечных споров между сторонниками различных социальных утопий. Мы увидали, что жизнь богаче, сложнее и таинственнее, чем то, чему отдавали себя наши старшие братья и сестры. Именно моему поколению открылся во всей его новой глубине подлинный лик русской культуры, т. к. мы увидали Церковь в ее подлинном свете. В то же время мы уже тогда начинали ощущать себя частью не только России, но и Европы. Тот мучительный разлад между славянофилами и западниками, который мешал росту подлинной русской культуры, казалось, подходил к концу. Христианские основы Запада, о которых так мало знала русская интеллигенция, становились наконец доступными, и одновременно открывалось их родство с тем христианским вдохновением, которое создало своеобразную ”московскую” культуру.

Накануне революции русское образованное общество стояло на пороге знаменательных открытий. Этот перелом мировоззрения остался почти незамеченным в литературе, и только Солженицын, описывая некоторых героев в ”Августе 14”, своим проницательным взглядом увидел назревавший переворот. Этот перелом ожидает своего осуществления на родине, а в нашем поколении в изгнании он был основным рычагом нашей жизни, трудов и упований.

Строить нашу жизнь нам пришлось в мире, резко отличавшемся от покинутой родины. Мы сознавали

себя русскими и вместе с тем должны были участвовать в жизни другого народа, что было нелегкой задачей. Во всей остроте эта задача встала именно перед нашим поколением. Наши отцы и старшие братья сформировались еще до революции. Наши младшие братья и сестры покинули родину детьми или уже родились за рубежом. Для первых часто было поздно искать свое творческое место в иностранной среде, а вторые уже чувствовали себя в ней как дома.

Нужно ли сохранять свою принадлежность к России или надо отречься и забыть ее? Вот тот вопрос, который встал перед сознанием молодежи нашего поколения. Одни из нас решали его, уходя в своеобразное русское гетто, отталкиваясь и критикуя западный мир. Другие, наоборот, стремились раствориться в нем. Но были и те, которые хотели строить жизнь на Западе и с Западом, но оставаясь русскими. Для большинства из нас подлинную связь с родиной сохранила Церковь. Церковь дала нам тот образ России, который не могла уничтожить революция и который на протяжении всей русской истории вдохновлял тех русских людей, что боролись с татарами, восстанавливали Московское Царство после разрухи Смутного времени, отразили нашествие Наполеона, построили многонациональную Петербургскую Империю и, наконец, тех, что защищали свою Родину от полчищ Гитлера.

Хроника семьи Зерновых с ее эпилогом есть попытка запечатлеть опыт той части русской эмиграции, для которой Православие открылось во всей своей полноте. Она писалась и печаталась в условиях эмигрантской свободы. Хочется верить, что наступит время, когда каждый русский, не боясь преследований ''органов безопасности'', сможет наряду с другими книгами, изданными в эмиграции, прочесть все

три тома хроники. Ее авторы надеялись, что их труд будет скромным вкладом в сокровищницу народной памяти. Хроника свидетельствует о связи времен грозных лет России и о нерушимом единстве подлинной русской культуры с Православной Церковью.

ЧАСТЬ I

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ И ЕЕ МИССИЯ

Глава 1

СУДЬБЫ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Моя личная и семейная жизнь, образование и деятельность неразрывно связаны с судьбой первой русской эмиграции. Наша семья вступила в ее ряды весной 1921 года в Константинополе, через 6 месяцев после падения Крыма, последнего оплота белых армий на юге России, и все мы до конца нашей жизни деятельно участвовали в этапах ее развития.

Мне хочется поэтому начать мои размышления с глубоко затрагивающей меня темы о роли эмиграции в истории России. Я задаю себе вопрос, каково было значение этого массового исхода русских со своей родины и каковы были положительные и отрицательные последствия их многолетнего, часто многострадального, странствования по миру.

Главное упование русской эмиграции — вернуться на родину и увидеть ее свободной от коммунистического ига — не осуществилось. Ее подавляющее большинство нашло смерть в изгнании. Несмотря на это, эмиграция осуществила ряд положительных задач.

Покинув родину, несколько сот тысяч людей избежали насильственной смерти, что уже само по себе

ния в Париже, я постоянно слышал, как справа, так и слева, критику нашего призыва к молодежи вернуться в Церковь. Правые обвиняли нас в отсутствии патриотизма, левые в недооценке достижений Февральской революции. Вокруг нас кипела политическая борьба: крайние и умеренные монархисты, республиканцы, социалисты разных цветов и толков вели ожесточенную борьбу не только с советской властью, но и между собой. Казалось, что члены Движения замкнулись в самих себе, потеряли интерес к судьбам родины. В действительности это было не так. Внутри Движения стало возникать сознание, что большевизм не является лишь партией, а тяжким духовным недугом. Дело было не в одном военном освобождении России, а в исцелении заболевшей страны, и Движение видело только в христианстве силу, способную возродить и очистить русских людей; на это указывает лозунг Движения — "оцерковление всей жизни".

Перед эмиграцией стояла гораздо более сложная задача, чем казалось ее большинству. Надежда на скорую победу была необоснованной. Очень характерно, что когда я начал издавать "Вестник", ни я, ни кто другой не мог предвидеть, что этот скромный журнал окажется одним из наиболее жизненных и долговечных органов эмигрантской печати, переживет Вторую мировую войну и найдет читателей и участников в Советской России.

Русская эмиграция неожиданно для себя получила новый опыт церковной жизни, независимой от государственной опеки. Это дало ей силу и вдохновение, столь насущно необходимые для верующих внутри России, оторванных от остального христианского мира, не имеющих доступа к источникам религиозного просвещения. Одно время казалось, что голос эмиграции не дойдет до родины, но становится все более

очевидно, что он понятен и нужен в России для всех тех, кто борется там за попранные права человека. Имена христианских мыслителей и богословов, а не политиков не забудутся будущими поколениями русских людей.

Глава 2

РУССКОЕ РЕЛИГИОЗНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ XX ВЕКА

Русское религиозное возрождение двадцатого века — явление исключительное. Оно преобразило русскую церковную жизнь, раскрыло новые горизонты перед его богословами и религиозными философами и сделало возможным начало творческого диалога между восточными и западными христианами.

Я не принадлежал к поколению вдохновенных основоположников возрождения, но в годы моего сотрудничества с ними я лично знал и дружил с большинством из них, и был захвачен этим движением. Моя роль была — воплощать идеи возрождения в конкретные формы церковно-общественной деятельности.

Русская Церковь по справедливости называлась церковью молчания. В течение веков она мало рассуждала и мало проповедовала, но она много молилась, и свой богатый духовный опыт она выразила в истовом богослужении, в иконописании и в том строгом бытовом благочестии, которое стало правилом жизни для широкого круга верующих.

Раскол старообрядчества, Петровские реформы, принудительная латинизация нашего богословия на-

несли тяжелые удары русскому Православию, но не сломили его. Оно донесло свою веру и благочестие до самой катастрофы коммунистической революции, но ни духовенство, ни миряне не были к ней подготовлены. В течение XIX века внимание руководителей церковной жизни было сосредоточено на внутрицерковных делах. Они избегали встречи с теми новыми вопросами, которые секуляризованное общество все настойчивее ставило перед ними. В XIX веке русская Церковь обогатилась талантливыми проповедниками, возглавлявшимися мудрым Московским митрополитом Филаретом Дроздовым (1782—1867), но все они обращались только к своей пастве. Духовные писатели, как Игнатий Брянчанинов (1807—1867) и Феофан Затворник (1815—1894), писали для лиц, искавших опытного руководства в своем молитвенном и аскетическом делании.

Однако в том же XIX веке появились в России три мирянина: Алексей Хомяков (1806—1860), Федор Достоевский (1821—1881) и Владимир Соловьев (1853—1900), положившие начало пророческому служению Церкви. Каждый из них по-своему ощущал неизбежность столкновения между христианством и все растущим числом его противников. Они призывали верующих встретить надвигающуюся беду. Среди своих современников они оставались одинокими и непонятыми. Но их мысли и писания подготовили почву для того необычайного взрыва творческих сил внутри русского Православия, который произошел накануне падения империи. Русская Церковь загорелась тогда новой жизнью, что сыграло решающую роль в страшные годы гонений и контроля безбожной власти над Церковью.

Значительное число вождей русского религиозного возрождения прошло через испепеляющую школу атеизма, материализма и марксизма. Путем внутренней эволюции они обрели веру и вернулись в Церковь. Этот переворот в их жизни совпал с великими потрясениями, вызванными Первой мировой войной не только в России, но и во всей Европе. Ряд представителей возрождения оказался в эмиграции. Среди них были Петр Струве (1870—1944), Сергей Булгаков (1871—1944), Николай Бердяев (1874—1948), Семен Франк (1877—1950) и другие*. Их голос был услышан не только русской эмиграцией, но и передовыми кругами западных христиан. После же Второй мировой войны их сочинения стали проникать и на родину, раскрывая сущность христианства перед обезбоженным молодым поколением советских людей.

Теперь, когда последние руководители религиозного возрождения уже сошли в могилу, трудно представить себе, что было бы с русской Церковью, если бы ее жизнь не обогатилась творчеством этих выдающихся христианских мыслителей. Сила их писаний заключалась в глубоком понимании богоборческой психологии современного человека. Они предвидели, как упорно будут противиться вере дехристианизированные массы населения и как жестоко будет преследование тех, кто останется верным Христу и Церкви. Они также в точности предсказали все губительные последствия этого безумного восстания против Творца и все то пренебрежение к личности и преступное массовое уничтожение населения, которое оно повлечет за собой. Промысел Божий, допустивший торжество ленинизма в России, дал защитникам веры то оружие, в котором они так теперь нуждаются.

Вожди возрождения не только вступили в непримиримую борьбу с безбожным тоталитаризмом, но, одновременно, разработали конструктивные пути для оцерковления всей жизни — экономической, общественной и социальной. Они верили, что свобода является условием для истинного процветания Церкви, которая призвана учить людей жить и действовать соборно — в единодушии, без применения угроз и насилия.

Те из представителей возрождения, которые оказались на свободе в Европе и в Америке, приняли самое деятельное участие в экуменическом движении, считая, что распри и разделения среди христиан препятствуют проповеди Евангелия. Будучи оторванными от родной почвы, участники религиозного возрождения были лишены возможности применить свои идеи на практике на родине, их сфера непосредственной деятельности была ограничена узкими пределами эмиграции. Им удалось создать не только богатую литературу, излагавшую их идеи, но и проверить их на опыте Русского Христианского Студенческого Движения, Богословского института и Содружества Святого Мученика Албания и Преподобного Сергия Радонежского, успешно осуществлявших на деле идею соборности.

Я участвовал в этих трех организациях с самого их начала, и эта работа дала мне не только глубокое внутреннее удовлетворение, но и подтвердила правильность путей, намеченных руководителями возрождения. Я убежден, что их идеи могут явиться решающей силой в освобождении людей, соблазненных ленинизмом, раскрывая перед ними истинную природу Церкви и те оздоровляющие силы, которые она предлагает верующим. Этот опыт показал мне, что люди разных политических убеждений, на-

циональностей и образования могут успешно сотрудничать друг с другом, если они остаются верными соборному началу Церкви и заповеди Спасителя о любви не только к единомышленникам, но и к нашим идеологическим противникам.

---

* Следующие писатели русской эмиграции были также представителями религиозного возрождения:

1. о. Николай Арсеньев (1888—1977)
2. Николай Арсеньев (1893—1960)
3. Еп. Кассиан Безобразов (1892—1965)
4. Владимир Вейдле (1895—1979)
5. Борис Вышеславцев (1877—1954)
6. Лев Зандер (1893—1964)
7. о. Василий Зеньковский (1881—1962)
8. Иван Ильин (1883—1954)
9. Владимир Ильин (1891—1954)
10. Антон Карташев (1875—1960)
11. Киприан Керн (1899—1960)
12. Николай Лосский (1870—1965)
13. Владимир Лосский (1903—1958)
14. Константин Мочульский (1892—1948)
15. Георгий Федотов (1886—1951)
16. о. Георгий Флоровский (1893—1979)

Глава 3

ЛЕНИНИЗМ И АТЕИЗМ*

Вожди русского религиозного возрождения предвидели, что в скором будущем русский народ станет ареной борьбы между христианством и атеизмом, но они не имели никакого представления о размерах этого столкновения и о тех глубочайших потрясениях в истории мировой культуры, которые вызовет эта борьба. В первые месяцы революции, после падения империи, русский народ заболел словоблудием. На каждом перекрестке происходили бесконечные митинги, на которых измученные ораторы выкрикивали лозунги революции. Вся страна была наводнена печатными прокламациями, листовками и бесчисленными газетами. Главной темой этого словоизлияния было восхваление мудрости и политической зрелости русского народа, достигшего самых совершенных форм строя без жестокой борьбы и кровопролития. Либералы и социалисты всех оттенков старались превзойти друг друга в этих восхвалениях русского народа и в

---

* Глава, продиктованная за несколько часов до смерти.

доказательствах превосходства своей политической программы, которая разрешит самым наилучшим способом все проблемы русской жизни.

Среди новых вождей революции оказалась группа псевдонимов: Троцкий, Ленин, Зиновьев, Калинин, Свердлов, Сталин и другие. Имена их были неизвестны ни мне, ни кому-либо из наших знакомых. Никто из нас не предполагал, что вскоре судьба каждого из нас и судьба всей родины окажется в руках этих незнакомцев. Зато незабываемое впечатление произвело на меня первое выступление Ленина, как только он приехал из Германии и обосновался в Петербурге. Мне стало сразу ясно, что новая и громадная сила выступила на сцену революционной борьбы. Вместо обычной партийной белиберды вдруг раздался голос необычайного вызова — он призывал всех грабить, разрушать и убивать. Появился источник неистовой *ненависти*, который был обращен против всех и каждого: против социалистов, либералов, консерваторов — против всех тех, кто принадлежал к старому миру, подлежащему немедленному уничтожению.

Мне было 18 лет, когда началась революция, тогда я не мог бы описать себя как сознательно верующего христианина, но я не мог поверить, что кровавая беспощадная классовая борьба может открыть двери в земной рай. Для меня сразу стало ясно, что атеизм и ленинизм органически связаны друг с другом, что не победив христианства, Ленин не сможет начать осуществлять свою утопию. Все последующие события революции, разруха России, жизнь под красным террором еще сильнее подтвердили мое первоначальное убеждение в том, что борьба с религией необходима Ленину, что его человеконенавистничество разжигается его ненавистью к Богу. Больше чем старый "гнилой" мир он ненавидел его Творца.

Ленин был бескомпромиссный воинствующий безбожник, атеизм составлял самую существенную часть его программы. Он призывал своих слушателей ”освободиться от векового суеверия” — от религии, решительно отречься от всех основ христианского учения и смело приступить к постройке вечного царства благоденствия и справедливости. Для меня несомненно, что ленинский утопизм мог соблазнить только людей, уже потерявших веру в Бога. Я не сомневался и не сомневаюсь, что красный террор, неслыханная, бесчеловечная жестокость тюрем, лагерей и психиатрических больниц, созданных советской властью, могли быть осуществляемы только людьми, отрекшимися от христианского учения о Боге и человеке. ГУЛаг был бы немыслим в стране, где значительная часть населения оставалась бы христианской.

Встает вопрос, каким образом Ленину удалось так легко распространить атеизм в России? Слово ”легко” едва ли подходит в данном случае, так как атеизм победил в России после жестокой, упорной борьбы и при обстоятельствах совершенно исключительных. Но он все же победил, и с этим надо серьезно считаться. Победил же он потому, что большевики уничтожили основной костяк русского народа — миллионы верующих людей, защищавших до конца свою веру и свои убеждения, имевших свое мировоззрение и не побоявшихся умереть в защиту его. Массовое уничтожение так называемых ”кулаков” лишило Россию кадров верующих крестьян — лучшего элемента русского крестьянства.

Вторым фактором в победе атеизма явилось совершенно неожиданное и странное перерождение части русского народа, совершившееся в первые годы революции. В литературе существует выражение

”сверхчеловек”, но можно говорить и о ”нечеловеке” или ”псевдочеловеке”, который сохраняет все его видимые формы, но лишен самых существенных человеческих черт: радости жизни, любви и милосердия. Вот этот псевдочеловек, появившийся неизвестно откуда, миллионами обрушился на главную массу русского населения. Все, кто пережил первые годы русской революции, никогда не смогут забыть этих страшных, одержимых людей со стеклянными, ничего не видящими глазами, красными от напряжения лицами, охрипшими глотками, из которых вылетали лишь богохульства и ругательства, людей, казавшихся в состоянии постоянного опьянения, целью которых было пытать, убивать, уничтожать. Эти люди не столько сознательно отреклись от Бога, сколько потеряли Его образ, стали некоей пародией человека, а в то же время они ведь были ”красой и гордостью большевистской революции”. Вот эта страшная метаморфоза обеспечила безбожию победу над русским народом.

Был еще третий фактор. Русский человек любит рассуждать на отвлеченные темы, пытаться разгадать загадки жизни и природы. Революция застала его в состоянии самого наивного мировоззрения. Встреча интеллигенции с церковными деятелями произошла слишком поздно, чтобы успеть отразиться на народном просвещения, а православная Церковь мало содействовала развитию этого свойства русского характера. Сельским батюшкам не приходилось толковать своим прихожанам ветхозаветные писания. Когда советская псевдо-научная атеистическая пропаганда обрушилась на этих неподготовленных людей, она имела огромные разрушительные последствия. Такие лозунги, как ”человек происходит от обезьяны” или ”ковчег не мог вместить всех тогда суще-

ствовавших животных" могли легко лишить веры в Бога многих раньше искренне верующих людей.

(Тут Николай Михайлович остановился, сказав: "Теперь я устал, конец продиктую потом, да ты его сама знаешь"... Ему становилось хуже.)

Есть ли надежда, что русский народ, обескровленный, распропагандированный элементарным коммунистическим атеизмом, развращенный страхом и ложью, оторванный от земли, найдет веру? И можно ли надеяться, что он найдет ее не в ущербленных протестантских формах или в искаженном мистицизме сект, но в исконном русском Православии, этом плоде векового творчества русского народа. Наши потаенные встречи с представителями этого народа дают нам эту надежду.

Глава 4

РОССИЯ В ПАРИЖЕ

Мне был 21 год, когда 6 марта 1920 года я покинул Россию и, пройдя по мосту над бурлившим Тереком, оказался в независимой тогда Грузии. 2 марта следующего года вся наша семья очутилась в Константинополе. Всю остальную жизнь я провел вне пределов Союза Советских Республик и в то же время я не чувствовал себя отрезанным от России. Роман Гуль назвал свою книгу эмигрантских воспоминаний "Я унес Россию". В моем случае я нашел Россию в Париже в эпоху расцвета первой эмиграции. Говоря об этом, я не утверждаю, что каждая группа русских изгнанников могла воссоздавать Россию. Париж был однако примером этого необычайного явления.

Четыре первые года эмиграции я провел в Белграде, где было тогда много тысяч русских, включая значительное число студентов. Но в Белграде не было России. Это была типичная колония беженцев, мечтавших вернуться на родину. Сербы приняли нас, русских, со смешанным чувством гостеприимства и снисхождения, которые характерны в отношениях с бывшими богатыми, а теперь разорившимися род-

ственниками. Русский и сербский быт постепенно переплетались друг с другом.

Во Франции все было по-иному. Многотысячная русская колония в Париже была многогранной. В нее входили блестящие представители русского искусства, цвет интеллектуальной и общественно-политической элиты. Русские театры и концерты привлекали широкие круги французов и иностранцев. Русская пресса процветала, издавались газеты, книги, журналы. Но масса эмиграции зарабатывала свой хлеб тяжелым физическим трудом. Все обычные социальные разделения оказались перемешанными. Потрясения, пережитые эмигрантами, вызвали глубокий переворот в мировоззрении и отношении к жизни многих из них. Внутри эмиграции родился ЦЕРКОВНЫЙ НАРОД. Он был совсем отличен от того церковного простонародья, которое считалось оплотом церкви до революции. В эмиграции он тесно объединил представителей всех бывших сословий и возглавлялся людьми больших духовных дарований. Так возник тот особый мир, столь отличный от окружающего его Парижа. О его существовании не подозревали французы, о нем мало знали даже некоторые официальные глашатаи эмиграции. Нелегко описать эту потаенную, выросшую на почве Православия Россию.

Воспоминания в жизни каждого из нас занимают свое очень индивидуальное место. Некоторые из них касаются событий малозначительных и случайных, другие наоборот связаны с основными этапами нашей жизни, и память о них помогает нам понять сущность прожитого. Таким воспоминанием является для меня один день, проведенный мною в Париже.

В 1937 году я обещал одному из моих английских друзей показать ему русский церковный Париж. Была Страстная Пятница. В нашем распоряжении

было всего несколько часов между выносом Плащаницы и службой Погребения. Мы успели обойти церкви пятнадцатого района, особенно густо населенного русскими беженцами. Пасха была ранняя, моросил дождь. Серое небо, серые скучные дома бедных кварталов. Мы влились в суетливую толпу парижан. На одной из длинных улиц мы вошли в малозаметную калитку, поднялись на несколько ступеней и оказались перед неказистым строением. Войдя в дом, мы прошли вдоль узкого коридора и очутились в домашней церкви Русского Студенческого Христианского Движения. Посредине возвышалась Плащаница, окруженная морем цветов. Сотни восковых свечей освещали грозди белой сирени, красных тюльпанов и роз. Небольшой иконостас с иконами молодых иконописцев оставался в полутьме. В церкви царила тишина, согретая верой и любовью. Здесь совершалось таинство смерти Спасителя мира.

Уходить не хотелось, но времени у нас было мало. Мы приложились к Плащанице и двинулись дальше, пересекли несколько улиц и в одном кривом переулке открыли дверь, по стоптанным ступенькам спустились в подвал. И там опять Плащаница, цветы, горящие свечи, молитва и покой. Идем дальше. Длинные серые стены каких-то складов, Париж, столь отличный от своих нарядных улиц. Темный проход в глубине двора, жалкий барак, а в нем скромная церковь, Плащаница, цветы и свечи. Здесь все беднее, но и тут все та же сосредоточенность и пламенная, торжествующая любовь.

Наконец мы покинули полутемные побочные улицы и вышли на главную магистраль. Широкие тротуары были сплошь заставлены лотками, перегруженными всем тем богатством овощей, цветов, фрук-

тов и сыров, которыми так знаменита Франция. Протиснувшись между двумя бойко торгующими лотками, мы попали во двор, в глубине которого вокруг большого дерева была пристроена маленькая церквушка, посвященная Преподобному Серафиму. Дерево посредине церкви, а на нем икона "дивного старца". Это создавало особую атмосферу, перенося молящихся в дремучие леса Саровской пу̀стыни. Это был мир, не имевший ничего общего с только что покинутой шумной улицей с ее французской толпой.

Мой спутник был явно сбит с толку. Он был готов в каждом темном проходе искать вход еще в новый храм. "Сколько же всего русских церквей в Париже? — спросил он меня. — И все ли они скрываются в трущобах?" Я ответил, что Александро-Невский собор, бывшая посольская церковь, построен с куполами и колоколами, что Сергиевское подворье имеет расписанный фресками храм, что церковь при кладбище в пригороде (в Сент Женевьев де Буа), где покоятся многие и многие знаменитые русские люди, построена в чисто русском стиле. Но большинство русских церквей, а их в то время в Париже и его окрестностях было больше тридцати, подобны виденным нами.

Вернувшись домой, я задумался над вопросом, где же мы были и что мы пережили с моим английским другом. Ответ был: мы побывали в России, и это не была наша фантазия или мечта о ней, а подлинная встреча с моей родиной. Моя мысль невольно перенеслась на север, через тысячи километров — на территорию Советского Союза. Ведь и там подлинная Россия была загнана в подполье. Россия Преподобного Сергия Радонежского, Святителей Московских, Преподобного Серафима Саровского и Оптинских старцев, Пушкина и Гоголя, Хомякова и Аксаковых, Достоевского и Соловьева — укрывалась в то время

в немногих церквах, еще не закрытых советской властью. Ее можно было найти в сердцах тех русских, которые остались верными заветам Церкви. Но Россия задыхалась под гнетом сталинской деспотии и безбожия. А в эмиграции мы нашли Россию в Церкви, которая горела ярким пламенем. Ее пастыри и миряне не только сохранили, но и приумножили русское духовное наследие. И вот почему они смогли сохранить подлинную Россию ''на земле чуждей''.

Каждый раз, когда я возвращался в Париж, я всегда заново переживал там реальность моей встречи с Россией.

Глава 5

НАШИ ВСТРЕЧИ

Встречи с третьей эмиграцией

С конца 60-х годов лицо русской эмиграции стало сильно меняться. Число высланных и добровольно покидающих Советский Союз начало быстро расти. Уезжали главным образом евреи. Большинство из них ехало в Палестину или Америку. Некоторые оставались в Европе, главным образом в Германии и Франции. Очень немногие попали в Англию. Мы, конечно, стремились встречаться с новоприбывшими, в особенности с писателями и журналистами. С ними интересно было обсуждать судьбы нашей родины и знакомиться с их весьма различными оценками современного положения. Установление связи с ними облегчалось тем, что мое имя было известно многим из них. Оказалось, что русский перевод моей английской книги ''Русское Религиозное Возрождение XX века'' распространялся самиздатом в кругах столичной интеллигенции. Так мы познакомились с Синявским, Максимовым, Некрасовым, Паниным, Агурским, Терновским и многими другими. В Оксфорде мы подружились с Пятигорскими и Голомштоком.

Была у меня также знаменательная встреча с Александром Исаевичем Солженицыным. Все мы на Западе с глубоким волнением следили за его поединком с советской деспотией, и велика была наша радость, когда мы по радио узнали, что он остался жив и был выслан в Германию. Каждый из нас писал ему письма и мечтал с ним познакомиться, но это удавалось лишь немногим счастливцам. Весной 1975 года я должен был участвовать в конгрессе международной "Академии Богословских Наук", членом которой я состоял уже много лет. Съезд происходил на этот раз в Швейцарии. Я условился встретиться в Цюрихе, где тогда жил Солженицын, с писателем Анатолием Эммануиловичем Красновым-Левитиным. Мне пришло в голову написать Александру Исаевичу еще из Англии с предложением зайти к нему "в случае, если бы я мог быть ему полезен".

Я знал, что имя нашей семьи было ему знакомо*. Ответ на мое письмо не замедлил. Наталия Дмитриевна написала, что ее муж будет рад меня видеть. (Мне повезло — в тот week end Александр Исаевич должен

---

* Моему брату удалось послать в Россию с дипломатической оказией меховой полушубок, с просьбой подарить его "какому-нибудь достойному русскому". Наш знакомый встретил где-то Солженицына, в то время подвергавшегося всяческим притеснениям, и отдал ему полушубок. Год или два спустя кто-то из наших друзей поехал в Россию и там встретил Солженицына, одетого в теплый полушубок. Солженицын сказал ему: "Я с гордостью ношу полушубок, полученный мной от русского эмигранта, он подбит любовью". Когда Солженицын был выслан из Советского Союза, то одна из первых его фотографий, сделанная в Германии, изображала его все в том же полушубке. В Париже брат встретил Солженицына в церкви Движения, и он с улыбкой сказал ему, что все еще надевает его знаменитый полушубок.

был быть дома, а не в своем горном убежище, где он беспрепятственно погружался в работу). По телефону мы сговорились, что ”он даст мне полчаса” своего драгоценного времени... Он просил меня особенно быть точным, т. к. он ”принужден держать калитку сада запертой, а звонка не имеется”. Войдя к ним, я сразу почувствовал теплую, семейную атмосферу типичного беженского дома. Жена и дети радушно встретили меня. Вскоре Александр Исаевич пригласил меня в свою рабочую комнату. Мы провели с ним больше двух часов во вдохновительной беседе, которая касалась главным образом значения и места Церкви в русской истории. Меня поразила его внимательность к собеседнику. Он умел слушать и даже время от времени записывал в свою книжечку мысли, заинтересовавшие его. Я уже слышал от других о его особой улыбке. Она действительно необычайна. Его серьезное и даже суровое лицо буквально преображалось, становилось простым и близким, озаряясь внутренним сиянием. Солженицын подарил мне книгу ”Из-под Глыб” с собственноручной надписью:

”Николаю Михайловичу Зернову, еще в России давно мне известному по его книге о русском религиозном возрождении, после нашей встречи очень тронутый нашей духовной близостью и одинаковым пониманием многих существенных вопросов в развитии России”.

А. Солженицын. 21 марта 1975.

Александр Исаевич проводил меня до трамвая, прощаясь, мы расцеловались. В его лице я коснулся той России, которая до конца преодолела соблазн ленинизма и восстановила свою связь с русской православной традицией.

Общение и дружба с новыми эмигрантами, чтение книг, написанных ими или писателями, оставшимися в Советском Союзе, обогатили нашу жизнь, освободили от чувства отрезанности от родины, которое так часто тяготило нас в прошлом. Для нас с женою было особенно радостно встретить доброжелательных читателей двух томов нашей семейной хроники. Узнали мы также, что эти две книги проникли и за железный занавес. Все это дало нам чувство связи с Россией и сознание, что опыт, пережитый всеми нами в эмиграции, не пропадет даром и войдет в сокровищницу русской культуры.

Люди первой и третьей эмиграции — дети одной и той же отчизны, они читали тех же классиков, любили тех же поэтов и говорят на том же русском языке. И все же они принадлежат к двум разным мирам и часто не могут понять друг друга. Эмигранты "третьей волны" испили из горькой чаши ленинизма, на них лежит тройная печать советского перевоспитания: безбожия, лжи и страха. Лишь немногие вполне свободны от нее. В каждой стране есть верующие и неверующие, люди правдивые и лживые, смелые и боязливые, но только в Советском Союзе признаками лояльного гражданства являются обязательное безбожие и подчинение обману и насилию.

Третья эмиграция включает людей самых различных настроений, как любящих, так и отвергших свою родину. Даже те из них, которые вступили в борьбу с диктатурой еще в Советском Союзе и продолжают ее на Западе, несут на себе последствия этой идеологии. Особенно трудно им преодолеть, по моим наблюдениям, страх перед встречей с Богом. Пройдя через горнило испытаний и искушений, они лучше представителей первой эмиграции понимают сущность советской деспотии и степени ее укорененности в

массах. Они обвиняют первую эмиграцию в идеализации русского народа. Для них наше упование на то, что сохранились все же в нем устои прежней русской жизни, кажется тщетным. Третья эмиграция реалистична, но у нее подрезаны крылья, многие в ней больны пораженчеством. Сила же старых эмигрантов в том, что они унесли с собой опыт духа свободы, который был неотъемлемой частью дореволюционной русской культуры. Они сохранили веру в возможность возрождения России.

Обе эмиграции нужны друг другу. У них единая судьба, они призваны быть предвестниками победы свободы и творчества, в которых так нуждается наша многонациональная страна.

Другие встречи

Были у нас и другие знакомства с русскими людьми, живущими ''там'' и не считающими себя ''диссидентами''. Кроме высоко стоящих ученых и писателей, имеющих возможность открыто общаться с эмигрантами, это были люди, которые шли на большой риск, видаясь с нами. Наши встречи были потаенными, мы всегда обещали держать их в тайне, не спрашивали ни их имен, ни места и рода работы. Поэтому писать о них мы можем только в общих чертах, отказываясь от описания иногда очень дорогих и потрясающих подробностей.

Это были очень разные люди, и искали они встреч с нами по очень разным причинам. Одни были пламенные коммунисты-идеалисты, признающие, однако, что настоящий коммунизм в СССР — только в будущем,

другие — партийные, впряженные в государственное дышло и его тайно ненавидящие. Некоторые живо интересовались всем на Западе — искусством, политикой, бытом и религией, многие искали в нас старую Россию. Были и такие, которым случайно попадала в руки "Семейная Хроника семьи Зерновых". Она становилась для них, по их словам, "откровением добра и света". Они знали ее чуть ли не наизусть. Им хотелось познакомиться с ее авторами.

Эти встречи были для нас всегда очень волнительны. Это была коренная современная Россия. Вначале нередко приходилось преодолевать преграды недоверия и непонимания, но велика была наша радость находить с этими людьми глубокое родство духа, несмотря на всю разницу убеждений и прожитой жизни. Когда было время, наши беседы переходили на "вечные темы" — о справедливости, о назначении человека, о Боге и Церкви. Некоторые были далеки от религии, другие жаждали веры, но не решались сделать трудный шаг — креститься и стать членами православной Церкви.

Кроме одного исключения, они были все той Россией, которая чает перемен и остается Россией. Самое драгоценное в них была глубокая любовь к родине, к коренной русской земле. В них звучала горечь о том, что центральные и северные области России больше пострадали от революции и русские люди живут беднее и приниженнее, чем в других областях. Немало было среди них не одобряющих новых эмигрантов, и вместе с тем, много передумав о судьбах родины, они пришли к полному отрицанию ленинизма.

Отношение к революции и гражданской войне даже убежденных коммунистов среди наших новых друзей было иногда парадоксально и полно проти-

воречий. Один молодой ученый сказал нам раз: "Плохо воевали белые генералы — не было бы после в России столько жертв".

С некоторыми из наших посетителей у нас вырастала настоящая дружба и глубокое взаимное понимание. Хочется закончить отрывками из их писем:

"Нашу светлую встречу считаю судьбоносной, она теперь причастна вечности и является как благословенной, так и закономерной. Спасибо вам за все, но прежде всего за духовное воспитание". "Здесь все тверже становятся люди, восстанавливающие связь времен, и многочисленнее. У нас одна боль и одна историческая задача. Россия начинает себя осознавать. Надеюсь, что вы здоровы и пишете книгу. Ваша мудрость нужна на родине".

ЧАСТЬ II

РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЭМИГРАЦИИ И ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

Глава 1

ВОЗМОЖНО ЛИ ВОССОЕДИНЕНИЕ ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ ХРИСТИАН

Первые встречи с христианским Западом

Бывают события, которые не кажутся нам выходящими из рамок обыденного, но они меняют направление всей нашей жизни. Таким событием для меня была поездка в Англию летом 1923 года, когда я впервые познакомился с западными христианами. До тех пор я мало знал о них и мало ими интересовался. Встретившись с этим новым для меня миром, я отдал себя работе по сближению западных и восточных христиан. Она стала центром всей моей деятельности. Более полувека прошло со времени моего участия в съезде Британского Студенческого Христианского Движения в Свонике. Я прошел с тех пор длинный путь, и мне хочется подвести итоги пережитого и проверить те богословские основания, на которых я построил мою веру в осуществимость соединения Церквей.

Я благодарю Бога за то, что мне была дана возможность принять участие в экуменической работе. Все, что способствует миру и взаимному пониманию,

дает сердцу легкость и радость. Борьба, соперничество, подозрения отравляют церковную жизнь.

Я пережил минуты высокого вдохновения на интернациональных съездах. Я встретил и близко узнал ряд выдающихся церковных деятелей, как православных, так и инославных. Я был свидетелем значительных сдвигов в области междуцерковных взаимоотношений. Мне пришлось жить в эпоху революционных потрясений, разрушительных войн, экономических, социальных и политических кризисов, времени торжества насилия, обмана и зла. Среди этой все обостряющейся вражды экуменическое движение было исключением. Оно жило верою в возможность победы любви и мира. Его деятели были так непохожи на политических демагогов, одурманивающих массы несбыточными обещаниями и призывающих их к мести и разрушению.

Я вступил в ряды экуменического движения в его ранние годы, когда оно возглавлялось людьми широкого ума и сильной воли, бескорыстно и самоотверженно отдававших себя этому святому делу.

Отец Сергий Булгаков — бывший марксист, творческий мыслитель-богослов, митрополит Евлогий — мудрый и благостный строитель Церкви, дерзновенный патриарх Афинагор — были наиболее яркими представителями Православия. Англичанин архиепископ Кентерберийский Вильям Темпл, швед архиепископ Упсальский Сведерблом, американец Джон Мотт и многие другие возглавляли христианский Запад. (Портреты некоторых из них я даю в следующей главе). Их труды не пропали даром. В 1948 году был основан Всемирный Совет Церквей. В 1961 году в него вошли русская и другие православные Церкви, находящиеся под властью ком-

мунизма. С 1962 по 1965 Второй Ватиканский Собор обновил католическую Церковь. Началась работа различных междуконфессиональных комиссий. Все это коренным образом изменило атмосферу церковных отношений.

Причины церковных разделений

Но несмотря на эти успехи христианский мир продолжает быть разделенным. По представлению большинства: римо-католики, православные и протестанты образуют отдельные Церкви с их различным вероисповеданием, богослужением и иерархическим устройством. Восстановление единой Церкви кажется благочестивой утопией. Такой пессимизм распространен в особенности среди православных, чувствующих себя отчужденными от всего христианского Запада. Вместе с тем все христиане знают завет Спасителя об единстве всех верующих в Него. Как же объяснить причину контраста между первоначальным единством Церкви и ее современным состоянием?

Общая греховность человечества очень часто рассматривается как главная причина продолжающихся споров и соревнований среди христиан. В глазах многих властолюбие пап, интриги восточных патриархов, самоуверенность реформаторов явились причиной потери единства. Но в действительности история разделений показывает нам иную картину. Раскол русской Церкви в XVII веке, столь потрясший ее и вызвавший до сих пор не исцеленные травмы в русском религиозном сознании, был результатом столкновения патриарха Никона и протопопа Аввакума. Они оба

горели непоколебимой верой, были подвижники, творили чудеса и, вместе с тем, именно они раскололи русскую Церковь. То же можно сказать о других разделениях среди верующих: люди высокого духа, готовые жертвовать своей жизнью ради исповедания истины, возглавляли те течения, которые приводили к разрушению церковного единства. Не гордость, корыстолюбие и другие страсти разрывали светлый хитон Господень. Истинной причиной церковных расколов было помрачение понимания подлинной природы Церкви и утеря веры в возможность преодоления разногласий и ошибок путем соборного усилия под водительством ''божественной благодати, немощная врачующей и оскудевающая восполняющей''.

С самого начала своей истории жизнь Церкви осложнялась богословскими спорами. Разнообразие обычаев и обрядов затрудняло отношения между отдельными поместными общинами, но все это не мешало глубокому сознанию единства веры. Однако по мере роста Церкви и все усиливающейся зависимости христианских общин от государства, с его неизменным стремлением к единообразию, Церковь оказалась вовлеченной в тот же процесс унификации. Богословские споры начинали приобретать новый характер. Победителям была обеспечена поддержка государственной власти. Каждая сторона стала утверждать, что только ее обычаи сохранили верность апостольскому преданию. В жизнь Церкви вошло насилие. Оно оправдывалось ревностью о чистоте веры. Непокорные объявлялись еретиками, их анафематствовали и не допускали к причастию. Религиозные расхождения переплелись с национальными. Вражда, вспыхнувшая между христианами, принадлежащими к разным народам, до сих пор остается одним из

существенных препятствий для воссоединения вселенской Церкви.

Христиане видели в Церкви ковчег спасения, но они перекраивали его на свой лад. Правоверие и единство оставались в их глазах непреложным достоянием истинной Церкви, но они защищали их средствами, отвергнутыми Евангелием. Они верили в незыблемость Христовой заповеди о любви к ближнему, но не хотели применять ее к схизматикам и еретикам. Они забывали, что терпением и любовью постигается истина и что не страхом и насилием сохраняется церковный мир.

Раскол между Римом и Константинополем

Двухтысячелетняя история Церкви учит нас многому. Она была школой для христиан в искусстве жить в единстве и свободе. Раскол между Римом и Константинополем дает яркий пример затемнения церковного сознания. Споры между православными и католиками начались в середине IX века. Обе стороны стали составлять списки так называемых ересей, в которые включались все различия в обрядах и обычаях. Более 50 подобных "ересей" можно было найти в некоторых полемических сочинениях.

Через 200 лет разногласия сосредоточились на вопросе о хлебе Евхаристии. В 1054 году в пылу полемики папский легат Хумберт (1010—1063) анафематствовал и предал Сатане Михаила Керуляриса, патриарха Константинопольского (1043—1058), который в свою очередь отлучил Хумберта от Церкви. Еще 200 лет спустя, в Великую Пятницу 1204 года,

крестоносцы захватили Константинополь, осквернили его святыни и предали город огню и мечу. Это братоубийство ожесточило христиан, но не лишило их окончательно чувства связи друг с другом.

Прошло еще 200 лет, и в середине XV века греческие и латинские богословы встретились на соборе во Флоренции как представители двух равноправных сестер Церквей — так глубоко оставалось сознание их принадлежности к единой Церкви. Соглашение, заключенное в 1439 году, оказалось, однако, недолговечным, а после взятия Константинополя турками в 1453 году все дружеские сношения между Римом и Константинополем прекратились "на пять веков".

Этот долгий период пришел к концу в 1975 году, когда 5 декабря папа Павел Шестой (1963—1978) и патриарх Константинопольский Афинагор (1948—1972) сняли клятву отлучения, лежавшую тяжелым бременем на совести христиан с середины XI века. В декабре 1979 года папа Иоанн Павел Второй и патриарх Димитрий после дружеской встречи решили возобновить переговоры между двумя Церквами. Их представители встретились в Греции в мае 1980 года (29/V—4/VI). Каковы надежды на благоприятный исход? Научились ли христиане лучше понимать природу Церкви, углубилась ли их вера в благодатную помощь Святого Духа?

Новый подход к разделению между Востоком и Западом

В XV веке представители православной и римской Церквей искали примирения путем обсуждения отдельных спорных вопросов, как например приба-

вление к Символу Веры слов "и от Сына" (Filioque), сделанное на Западе; или канонические пределы папской власти; или момент пресуществления Святых Даров Евхаристии. Они недостаточно сознавали, что как Православие, так и римское Католичество создали свои модели Церкви, в которые логически включились эти особенности их вероучения. Плодотворность диалога между Православием и Католицизмом требует более дерзновенного анализа причин, которые определили основное различие этих двух путей церковного развития. Новый подход к диалогу требует также внимательного вслушивания в голос другой стороны, основанного на вере в то, что жизнь обеих общин направляется Святым Духом. Мы, православные, на собственном опыте знаем и верим, что несмотря на все наши грехи и заблуждения, наша Церковь не была оставлена Святым Духом. Она сохранила свое правоверие и благодатность своих таинств. Имеем ли мы право утверждать, что римо-католики были оставлены Богом? Что вся их церковная эволюция пошла по ложному пути? Как мы, так и они верим, что благодать Св. Духа руководит жизнью Церкви, но не упраздняет человеческую свободу, и это делает возможным совершение тех ошибок, которые ведут к спорам и разделениям. Католики и православные стоят перед одним и тем же вопросом: какая из церковных моделей дает лучшую возможность для воссоздания общения между Востоком и Западом.

Римская модель обладает огромными преимуществами. Признав римского Первосвященника возглавителем всей Церкви и непогрешимым носителем Святого Духа, она создала наиболее прочное объединение миллионов христиан разных национальностей

и культур. Папский авторитет является критерием для отличия обязательного учения Церкви от мнений отдельных богословов. Римская система допускает также существование восточных обрядов наряду с западным, о чем свидетельствуют униатские церкви.

Однако стройная и продуманная структура римской Церкви оказывается и препятствием для литургического общения между Востоком и Западом. Главными ее недостатками остаются:

— отрицание равноценности всех поместных Церквей и
— отождествление решений папского престола с голосом всей вселенской Церкви.

Примером последнего может служить провозглашение трех последних догматов:

— непорочного зачатия Божией Матери (1854),
— папской непогрешимости (1870),
— телесного вознесения Божией Матери (1950).

Выдвижение этих догматов было результатом победы одного из течений римского богословия, которое далеко не является общим голосом всей католической Церкви. Утверждение их папой сделало их обязательными для всех католиков. Это осложнило взаимоотношения Рима с другими вероисповеданиями и показало, какой неограниченной властью обладает единоличный вершитель судеб католической Церкви. Таким образом папство не только объединяет, но и разъединяет христиан.

Англиканская модель

Прежде чем перейти к рассмотрению православной модели, следует остановиться на другой западной модели, созданной англиканами. Англиканская церковь

имеет ряд существенных характеристик, созвучных с Церквами, сохранившими апостольское преемство Она исповедует Никейский Символ веры, имеет трехстепенную иерархию епископов, священников и диаконов и придает первенствующее значение таинствам Крещения и Евхаристии. Англиканская модель обладает следующими преимуществами:

— национальные Церкви, входящие в ее состав, автономны и пользуются равноправием
— дарами англикан являются терпимость и уважение к свободе убеждений
— англикане давно стремятся к объединению всех вероисповеданий и считают осуществление этой задачи своей особой миссией.

Но наряду с достоинствами эта модель страдает существенными недостатками. Англикане не сумели сочетать индивидуальную свободу с авторитетом Церкви. Они склонны придерживаться учения, преобладающего среди протестантов, согласно которому конечный критерий для нахождения истины находится в сердце каждого отдельного христианина. На этой почве возникают среди них непрекращающиеся богословские споры, касающиеся основ вероучения. Слабость англикан происходит от недостаточного доверия к живому преданию вселенской Церкви, что лишает многих из них возможности отличать ее соборную мудрость от увлечений временными популярными идеями. Символ веры, оторвавшись от предания, становится документом, различно толкуемым богословами. Столь существенный вопрос как рукоположение женщин решается простым большинством голосов. Несмотря на свои разногласия, англикане умеют сохранить свое единство, но отсутствие у них догматической отчетливости делает их модель малопригодной для сакраментального общения с восточными христианами.

Обе западные модели, как римская, так и англиканская, имеют сходный изъян: каждая предопределяет действия Святого Духа. Они придают решающее значение церковной организации в деле сохранения правоверия и единства.

Православная модель

Структура Церкви, согласно православной модели, отлична от западных. Она строится на трех основаниях:

— соборности церковного авторитета,
— автономии и равенстве всех поместных Церквей и
— равнозначимости клира и мирян при различии их литургического служения.

Православие видит в единодушии наилучшее свидетельство боговдохновенности принятых решений. Святой Дух ''дышит идеже хощет''. В согласии преодолевается конфликт между единством и свободой. Епископ, совершающий Евхаристию со своим духовенством и мирянами, есть основная клетка церковного организма. Православие иерархично, каждый член Церкви есть хранитель и свидетель истины, но каждый призван участвовать в ее жизни согласно своему чину.

Отличие православных от западных христиан коренится в самом восприятии Церкви. Она не есть для православного организация, к которой он принадлежит, а сам он является Церковью. Она живет в нем, но не как в отдельном индивидууме, а как в неразрывной части целого.

Эволюция церковной жизни протекает на Востоке более медленно, чем на Западе, поэтому Православие избежало крайних выводов и резких перемен, столь характерных для всех ветвей христианства на Западе.

Общепризнанные догматы Православия касаются откровений о Святой Троице и Боговоплощении. Восточные Церкви представляют свободу богословских мнений при обсуждении ряда вопросов вероучения, включая те, которые догматизированы Римом. В то же время почитание Св. Предания так глубоко укоренено в их жизни, что каждое новое истолкование вероучения или обряда оценивается в его свете.

Глава 2

ПРАВОСЛАВИЕ И ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ

Неготовность православных к экуменической работе

Православная модель представляется мне наиболее благоприятной основой для примирения Востока с Западом. Поэтому я думаю, что именно православные, и в особенности русские, должны признать свою ответственность в этой самой насущной задаче нашего времени. Однако православные до сих пор меньше чем западные христиане проявляли интерес к экуменической работе, они хуже других подготовлены к ней, и поэтому их голос менее авторитетен. Здесь мы подходим к главному парадоксу — контрасту между преимуществом православной модели и трагичностью современного положения восточных христиан.

Подавляющее большинство из них живет под игом коммунистов, их епископы лишены свободы и принуждены, особенно в Советском Союзе, говорить языком своих поработителей. В свободном же мире, как например в Америке, православные вовлечены в юрисдикционные споры, и отдельные национа-

льные группы живут обособленно друг от друга. Но еще более серьезным препятствием для их плодотворной работы в экуменической области является внутреннее противоречие в их отношении к христианскому Западу.

С одной стороны, представители православной Церкви поддерживают дружеские отношения с христианским Западом. В официальных посланиях римская Церковь называется "Церковью-сестрой"; как католические, так и англиканские епископы принимаются с почетом, подобающим их сану. Но с другой стороны, в среде православных раздаются авторитетные голоса, утверждающие, что только одна православная Церковь есть Единая Вселенская Церковь. Так пишет отец Георгий Флоровский: "Я верю, что как я, так и каждый православный должен верить, что только православная Церковь есть Единая Истинная Церковь. Если кто не верит в это, тот — не православный".* Хотя далеко не все богословы согласны с этим мнением, но обычно оно не опровергается. Таким образом, Православие говорит с Западом на двух языках. В нем сосуществуют два различных понимания Церкви и ее таинств. Согласно одному, все крещеные во имя Святой Троицы делаются членами Церкви, которая включает не только православных, но и инославных. Расколы и ереси суть внутрицерковные заболевания, только член Церкви может быть еретиком, им не может быть ни магометанин, ни буддист. Согласно противоположному мнению, весь христианский Запад целиком отпал от Церкви, потеряв все таинства.

---

* The Russian Orthodox Journal. New York. Sept. 1979, vol. 52. p. 5.

Эта разница в определении границ Церкви отражается на церковной практике. Одни иерархи принимают желающих присоединиться к православной Церкви как уже крещеных и признают их духовенство в сущем сане, другие же настаивают на перекрещивании всех инославных, включая римо-католиков. Последняя практика приводит к неизбежному заключению, что все их благочестие, достижения их высокого искусства, жертвенность их миссионеров, подвиги их святых были достигнуты без благодатной помощи таинств.* Причем это катастрофическое отпадение от Церкви произошло неизвестно когда и не было закреплено ни одним соборным решением православной Церкви.

Однако большинство богословов, исключающих христианский Запад из вселенской Церкви, не решается идти до логического конца и на практике признает наличие таинств у западных вероисповеданий. Подобная компромиссная позиция может быть истолкована двояким образом. Она или предполагает существование таинств вне Церкви, или допускает наличие отдельных "Церквей" (католическую, англиканскую и пр.), имеющих свои таинства и не входящих в Единую Вселенскую Церковь. Оба эти истолкования равно неудовлетворительны.

Подобная разноголосица среди православных не случайна. Она не вытекает из недостаточной осведомленности об инославных, но коренится в том запутанном психологическом узле, который характеризует отношение православных к христианскому Западу.

---

* Подобное крайнее мнение разделялось таким влиятельным богословом, как митрополит Антоний Храповицкий (1863—1936).

С одной стороны, восточные христиане чувствуют свое превосходство перед Западом, считают свою Церковь единственной истинной Церковью, светом миру, с другой стороны, они опасаются Запада. Католики и протестанты кажутся им соперниками, превосходящими их своей ученостью и организованностью. Православные не участвуют в спорах западных вероисповеданий, замыкаются в своей среде и негодуют на попытки Запада вмешиваться в дела Востока.

Место священной империи в сознании христиан

Эти противоречивые чувства православных питаются глубокой, не всегда ясно осознанной и непрощенной обидой на Запад. Корни ее уходят в глубокое прошлое, к началу Константиновского периода церковной истории. Перенесение столицы империи в Константинополь, признание христианства господствующей религией легли неизгладимой печатью на сознание православных членов Церкви. Византийцы загорелись верой в свое особенное избранничество. Они видели себя обладателями двух дарованных свыше даров: Церкви и Империи.

Сама же идея нерушимой державы родилась еще раньше. Древний языческий Рим верил, что он призван владеть всеми народами до конца мира и нести им благоденствие и мир — "Pax Romana". Второй Рим — Константинополь — видел себя богоустановленным преемником древнего обветшавшего Рима. Выросло убеждение, что судьбы Церкви неразрывно связаны со Священной Империей. Источник своего превосходства византийцы видели в величии

и славе своей империи. Народы, которые были вне ее пределов, были варвары. Западные христиане, вместо того, чтобы признать первородство Византии, нанесли ей страшный предательский удар в лице крестоносцев. Он повлек за собой падение Константинополя. Этого злодеяния Восток никогда не мог забыть.

Драма византийской истории повторилась в далекой Московии. Гибель Константинополя не поколебала веры в необходимость богохранимой державы. Православное царство нашло свою новую столицу в Москве, "Третьем Риме". Миссия сохранить чистоту веры выпала на долю царя и патриарха. В глазах московских людей христианский Запад оставался таким же опасным и коварным врагом, как и для византийцев. Москва старалась оградить себя высокой стеной от своих западных соседей, но ей пришлось пойти к ним на выучку. Третий Рим наследовал от второго те же противоречивые чувства по отношению к Западу: отталкивания и притяжения, своего превосходства и своей неполноценности.

На почве этого сложного комплекса еще больше углубилась та обида на Запад, которая не позволяет православным признать своих западных братьев по вере членами единой вселенской Церкви. Эта психология остается одним из серьезных препятствий для примирения Востока и Запада.

Прав ли я в своих предположениях? Не придаю ли я преувеличенного значения тем историческим конфликтам, от которых отдалены мы многими веками. Мне кажется, что их последствия далеко не исчерпаны. Они все еще окрашивают различные стороны церковной жизни. Приведу два примера этого: современные взаимоотношения между пра-

вославными автокефальными церквами, особенно в диаспоре, неизбежно наталкиваются на препятствия, которые кажутся неустранимыми. Главным из них является требование Вселенской Патриархии признать за ней те юрисдикционные права, которые были предоставлены ей вселенскими соборами. Современный Фанар, (Константинопольская Патриархия), насчитывающий всего несколько тысяч греков, оставшихся в поруганной столице Византии, продолжает вести себя так же, как Константинопольский патриарх, когда он находился в союзе с великой христианской империей на вершине своей славы.

Другой яркий пример неразрывной связи между Церковью и царством дает нам русская история. На московских соборах XVII века решался спор между вторым и третьим Римом, кому из них принадлежало первенство в судьбах Церкви. Старообрядцы доказывали, что московское превосходство показуется наличием православного царя, тогда как греки, потеряв свое государство, лишились первородства.

Как же мы должны относиться к вере в православное царство, столь всецело захватившее и греков, и русских? Является ли оно неосуществленным обетованием или роковым соблазном? Исторические события дают свой ответ на этот вопрос. Византийская империя рухнула под напором ислама. Русское самодержавие было взорвано изнутри большевиками. Приговор истории ясен, но нелегко православным людям отказаться от этой утопии.

В течение пяти веков порабощенные греки упорно надеялись восстановить свою империю, мечтали услышать православные песнопения под куполом Св. Со-

фии*. Победа Кемаля над Грецией окончательно показала неосуществимость этой мечты. Еще более трагическая участь постигла веру русских в богохранимое православное царство. Ульянов-Ленин и его соратники не только осквернили русские святыни, но и воздвигнули на их месте свою безбожную деспотию — страшную карикатуру православной державы. Атеистическая власть, ложью и насилием стремящаяся выжечь образ Христа из сердца народа, играет роль покровителя Церкви, а русские иерархи принуждены называть благодетелями своих гонителей. Несмотря на все эти уроки, русским не легче, чем грекам будет освободиться от этого соблазна.

Как и в самой России, так и в диаспоре не умирает надежда на восстановление благотворного союза Церкви с государством. До сих пор православные платят за свою иллюзию, до сих пор их церковная жизнь носит отпечаток многовековой несвободы. Вместо упования на водительство Святого Духа православные искали (и ищут) защиты государства. Выполнение Христовых заповедей заменялось пышностью богослужений и тщательным выполнением обрядов. Члены Церкви закрывали глаза на преступления верховных носителей власти, награждая их титулами благочестивейших монархов. Неприглядная действительность политических соревнова-

---

* См. размышления отца Сергия Булгакова о Св. Софии в "Автобиографических Заметках". YMKA—Press, Париж, 1946. Отец Сергий думает, что Св. София может быть обретена христианами только после их воссоединения. "София есть Храм вселенский, она принадлежит вселенской Церкви и вселенскому человечеству. ...А теперь в век раскола церковного... в век распадения и обособления отнят он у христиан и отдан местоблюстителям... София станет осуществима в полноте христианства".

ний и экономических злоупотреблений прикрывалась символикой церковного благочестия.

Хочется верить, что потрясения революции и кровь мучеников не пропадут даром, что русские православные пойдут по пути, намеченному Московским Собором 1917—18 гг., который постановил, что русская Церковь отныне не должна отождествлять свою судьбу ни с одной формой государственного правления, но строить свою жизнь на основании соборности. Будущая независимая русская Церковь в будущем правовом государстве может пойти по двум путям: замкнуться в самой себе, сосредоточить все свое внимание на решении несомненно труднейших внутренних проблем, считая себя единственной хранительницей чистоты Православия (в духе Зарубежной Синодальной Церкви), или же открыть свое сердце для всего христианского мира, искать общения с церквами, близкими ей по духу, и строить свою жизнь, не ища помощи у светской власти. На этом пути неизбежно должна произойти встреча с христианским Западом, и в первую очередь с римским Католичеством.

Ответственность православных в деле соединения Церквей

Соблазн ''Рима — вечного города'' по-разному отразился на судьбах православных и западных христиан. Римо-католики уберегли свою независимость, построив саму церковную жизнь по образцу империи, сделав ее папским государством. Православные сохранили соборность структуры Церкви, но подчи-

нили ее светской власти. Освободясь от этой зависимости, они смогут использовать преимущества ”православной модели” и взять на себя инициативу в деле восстановления общения с христианским Западом. Я верю, что русская Церковь может и должна взять на себя эту роль.

Таким решающим актом было бы предложение, обращенное к римской Церкви, восстановить общение в таинствах без предварительного согласия по всем вопросам, разделяющим нас. Я хорошо себе представляю, какие возражения и даже негодование может вызвать такой план. Два аргумента несомненно будут выдвинуты против него. Первый аргумент: подобное предложение может быть сделано только от Вселенского Собора, а ни в коем случае не от лица одной из автокефальных Церквей. Второй аргумент: общение в таинствах предполагает единство во всех основных вопросах веры. Оба эти возражения поднимают самые трудные проблемы современной экклезиологии.

Значение и авторитет соборов, как поместных, так и вселенских — темы, далеко не получившие полного освещения в православном богословии. Свое вероучение, свою литургику и канонический строй Православие создавало внутренним опытом поместных церквей, которым они делились друг с другом.

Решения Соборов, принятые общим согласием всех Церквей, имели весьма важное значение, но жизнь Церкви всегда была и шире и глубже их постановлений. Источники православного учения были разными, но они становились достоянием всей Церкви, когда получали общее одобрение.

Современная церковная жизнь содержит целый ряд неотложных задач канонического и литургического характера. До сих пор такие вопросы откладывались до созыва Общеправославного Собора. Невоз-

можно сейчас предугадать, будет ли он когда-либо созван и явится ли он совещательным или законодательным органом. Невозможно также предвидеть, какими иными путями православные Церкви смогут достигать общего согласия в условиях нашего времени.

Ввиду всего сказанного возникает вопрос — может ли одна автокефальная Церковь предпринять решительные шаги для преодоления раскола с Западом? Такие шаги не обязывали бы другие православные Церкви до тех пор, как будет установлено общее согласие по данному вопросу. Мне представляется, что "православная модель" (в моем толковании) дает положительный ответ на этот вопрос, так как она допускает отличия в жизни автокефальных Церквей, поскольку последние не касаются основ веры.

Многовековое порабощение исламу Церквей на Ближнем Востоке и на Балканах и подчинение Церкви империи в России надолго лишили православных свободы действия. В эту эпоху вероучительного упадка распространилась интерпретация значения семи Вселенских Соборов, по которой они обладают тем же конечным авторитетом, каким на Западе является папа для католиков и Библия для протестантов. Этот авторитет, будучи непогрешимым, регулирует сверху жизнь Церкви. В действительности такого контролирующего органа Православие не знает, хранительницей истины является вся Церковь.

Вселенские Соборы были созданы Византийской империей, они созывались по воле императора и утверждались его декретами. Церковь использовала эти Соборы для формулировки своего вероучения, но она существовала до Вселенских Соборов и про-

должает существовать после того, как политические события сделали такой созыв собора невозможным.

История последних ста лет дает ряд примеров, когда автокефальные Церкви принимали различные решения по насущным вопросам. Так например, во время Болгарской схизмы (1812—1945) греческие Церкви считали болгарскую Церковь отлученной, но это не помешало другим православным Церквам остаться в общении с болгарами до всеобщего примирения. Другой пример: греческая и румынская Церкви перешли на западный календарь после Первой мировой войны, тогда как славянские остались при старом. Еще пример: в 1922 году Константинопольский патриарх признал апостольское преемство англиканского священства. Александрийская, иерусалимская и кипрская Церкви последовали тогда же этому примеру. А в 1935 году румынская Церковь в результате самостоятельного изучения этого вопроса пришла к тому же выводу. Остальные же Церкви до сих пор не приняли никакого решения по этому важному вопросу. И наконец: Поместный Собор Русской Церкви 1917—18 гг. наметил ряд значительных реформ независимо от практики других Церквей. Эти реформы из-за начавшихся гонений не могли быть проведены в жизнь. Таким образом "православная модель" не исключает возможности одной из автокефальных Церквей проявить самостоятельность в решении тех вопросов, которые жизнь ставит перед Церковью.

Второй аргумент связан с утверждением, что без предварительного преодоления богословских разногласий общение в таинствах невозможно. История показала, что ученые диспуты не могут сами по себе разрешить такие вопросы, как папская непогрешимость. Если полагаться только на них, то нужно

оставить всякую надежду на восстановление единства. Непогрешимость папского престола, так, как она формулирована на Первом Ватиканском Соборе, неприемлема для православных. Мало вероятно, что православным удалось бы дискуссиями убедить католиков отказаться от этого учения, ибо на нем основана вся структура католической Церкви. Но что невозможно человеку, возможно Богу. По водительству Святого Духа и в ответ на молитвы о помощи Божией происходят сдвиги в обеих Церквах. Предложение восстановить евхаристическое общение есть призыв к помощи Св. Духа. Такое общение дало бы и католикам, и православным опыт совместной церковной жизни, а это помогло бы им увидать друг друга в ином свете и найти новый подход к спорным вопросам. Сторонники восстановления общения в таинствах основывают его возможность на убеждении, что нас отделяет от католиков и англикан не ересь, а схизма, так как мы едины с ними в исповедании основных догматов веры, и это единство может сделать доступным для нас причастие с ними из одной чаши.

Православие и римский Католицизм

В настоящее время особую важность приобретают для нас отношения с Римом. ''Православная модель'' помогает найти правильный подход к католической Церкви. Она является для нас хотя и самой многочисленной, но все же лишь одной из автокефальных Церквей. С начала своей истории эта старшая сестра пошла по пути, отличающему ее от восточ-

ных христиан. Несмотря на это, в течение первого тысячелетия Восток и Запад сохраняли общение друг с другом. Разрыв между ними, как мы уже видели, был длительным и мучительным процессом.

Острота спора между нами вызвана римским требованием признать все особенности их канонического и догматического строя вселенским и обязательным для всех христиан. Но для нас он остается особенностью западной Церкви. Согласно "православной модели", предложение общения в таинствах с католиками, исходящее с нашей стороны, не должно было бы означать ни подчинения папскому авторитету, ни признания тех догматов, которые были формулированы без нас. Если же предложение вступить в общение в таинствах происходит со стороны католиков, оно до сих пор неизбежно означает требование признания верховной неограниченной власти Римского Первосвященника. Согласятся ли католики вступить с нами в общение на основании нашей, а не их модели? Дух Второго Ватиканского Собора дает надежду на эту возможность. Католики все больше приоткрывают свои двери для литургической встречи с инославными. Позиция православных тоже не остается без изменений. За последние годы участились случаи в практике православных автокефальных Церквей допущения инославных к причастию на основании "церковной экономии". Значительным шагом в этом направлении было постановление Синода Московской Патриархии 16 декабря 1969 года, которое гласило: "Постановили: в порядке разъяснения уточнить, что в тех случаях, когда старообрядцы и католики обращаются в православную Церковь за совершением над ними святых таинств, это не возбраняется". Этот акт может быть объяснен особыми условиями Советского Союза,

но он, по моему мнению, имеет более широкое значение и является творческим ответом русской иерархии на современную духовную нужду.

Православие и Англиканство

''Православная модель'' может также способствовать установлению общения в таинствах с англиканами, которые уже давно стремятся к сближению с нами. Преграды, стоящие на этом пути, носят иной характер, чем те трудности, которые препятствуют восстановлению братского общения между Римом и Православием. В наших переговорах с Римом мы принуждены защищать нашу юрисдикционную независимость. Англикане не предъявляют нам никаких условий для соединения. Перед нами стоит вопрос: можем ли мы признать федерацию англиканских Церквей, объединенных вокруг архиепископа Кентерберийского, за поместную Церковь, хотя и отличающуюся от нас в обрядах, но строящую свою жизнь на основе Никейского исповедания веры и апостольском преемстве своей иерархии. Не догматические несогласия мешают нашему примирению, а та широкая веротерпимость, которая характеризует англикан и которая делает возможным для клириков и мирян подвергать сомнению основы христианства. Англиканские Церкви объединяют в своих рядах как членов, исповедующих веру, согласную с учением нашей Церкви, так и тех, которые не принимают ее полноту.

Таким образом Англиканство ставит перед нами новую экклезиологическую проблему, которая не

имеет параллели в опыте древней Церкви; ее нельзя разрешить ссылками на каноны. Противники сближения опасаются, что общение в таинствах с англиканами внесет вероучительные разногласия и в нашу среду. Сторонники сближения верят в живительную силу богооткровенной истины и в благодатную помощь Святого Духа. Православие, сохранившее целостность церковного предания, сможет через общение в таинствах помочь англиканам в укреплении их единства веры. Это будет торжеством вселенской Церкви и преодолением соблазна сектантского самоутверждения.

Заключение

Огромные сдвиги, происшедшие в судьбах Церкви во всем мире, указывают, насколько неотложна задача примирения христианского Востока и Запада. Константиновский период истории Церкви окончился с падением Петербургской империи и убиением помазанника Божия Николая Второго и его семьи. Одна Церковь за другой освобождается от опеки светской власти. Они становятся, как и в начале церковной истории, общинами, окруженными безразличной или враждебной массой секуляризованного человечества. Союз Церкви с империей имел свои положительные стороны. Он способствовал росту христианской культуры, но Церковь заплатила за него ценой своих разделений. Свобода, которую обретает Церковь в наши дни, открывает перед ней возможности воссоздания единства, не существовавшие в прошлом. Мы живем в грозное

время. Тяжелые испытания постигли восточных христиан. Не исключена возможность, что гонения перекинутся на Запад. Но что бы ни ожидало членов Церкви, они лучше смогут найти правильное решение своих внутренних и внешних проблем в единстве, а не в спорах друг с другом. Примирение христианского Востока и Запада не есть утопия. Это Богом данная задача христианам XX века.

Глава 3

ХРИСТИАНЕ ЗАПАДНЫХ ЦЕРКВЕЙ

Шесть портретов

Когда я писал эти воспоминания, передо мной вставали образы выдающихся западных христиан, которых я встретил в моей жизни — римо-католиков, протестантов и особенно англикан. С ними я делился моим православным опытом, у них я учился новым путям церковной работы, их вера поддерживала меня, их дружба была моим утешением. Я хочу запечатлеть образы некоторых из них.

Первым встает в моей памяти американец протестант-пресвитерьянец Джон Мотт (1865—1955). Я встретил его в самом начале моей экуменической работы — в 1926 году. Его крупная фигура сразу привлекала к себе внимание. Он был прирожденный вождь, выдающийся организатор, человек с огромным горизонтом. В течение многих лет он был генеральным секретарем Американского Христианского Союза молодых людей и основателем и председателем Всемирной Федерации Христианского студенчества. Поражала в нем поистине вселенская широта

интересов. Он посетил все страны мира и приобрел редкое знание положения религии не только в Америке и Европе, но и в Китае, Японии и Индии. Он побывал в России несколько раз до революции, и до конца жизни сохранял особую любовь к русской молодежи. Благодаря его финансовой помощи были основаны Богословский институт и Издательство ИМКА-Пресс в Париже. Русское Христианское Студенческое Движение тоже многим обязано ему. Джон Мотт был замечательным проповедником. За всю мою жизнь я встретил только двух проповедников, которые потрясли меня: это был сербский епископ Николай Велемерович (1880—1956) и Джон Мотт. Мотт не был популярным оратором, ищущим успеха у своей аудитории. Он говорил отчетливо и с величайшей серьезностью и вместе с тем с таким внутренним горением и убеждением в истине христианского благовестия, что заражал и увлекал этим своих слушателей. Многие сотни студентов во всех концах мира обязаны ему своим вхождением в Церковь.

Вильям Темпл, архиепископ Кентерберийский (1881—1944), как и Джон Мотт, был общепризнанным лидером. Я видел его на нескольких экуменических съездах, в которых участвовали сотни наиболее выдающихся представителей христианских конфессий. И все они естественно принимали водительство Вильяма Темпла. Широкий в плечах и крепко скроенный, он излучал спокойствие и доброжелательность. Ничто не могло бы нарушить его внутреннего равновесия. Если Мотт был миссионером, то Темпл был философом и богословом. Сомнения в вере, недоуменные богословские вопросы при встрече с ним разбивались, как волны о незыблемые скалы.

Не в спорах была его сила, а в творческой глубине его мысли, которая придавала всем его трудам такую полноту. Логос Евангелия от Иоанна был его излюбленной темой. Несмотря на его ученость и силу его личности, Вильям Темпл никогда не подавлял своих собеседников, наоборот, в нем было что-то легкое, даже детское. Он охотно доверял всякому, и были люди, которые злоупотребляли его именем.

Архиепископ Темпл был выдающимся представителем англиканского епископата. К этой же плеяде принадлежал епископ Трурский Уолтер Фрир (1863—1938). Он был моим личным другом и многолетним председателем Содружества Мученика Албания и Преп. Сергия Радонежского. Ему больше, чем кому-либо иному, мы, русские православные, были обязаны своим знакомством с лучшими сторонами Англиканства. Епископ Фрир своим внешним обликом резко отличался от Вильяма Темпла. Он был высок и худ, с тонкими чертами аристократического лица. Музыкант и литургист, он еще в молодости вступил в монашескую общину Воскресения и был первым епископом-монахом англиканской Церкви после Реформации. В 1914 году он был приглашен в Россию для чтения лекций об Англиканстве. Встреча с Православием положила глубокий отпечаток на всю его жизнь, и как только возникла идея Англо-Православного Содружества, так естественно было для него возглавить эту работу. Все русские, начиная с митрополита Евлогия и отца Сергия Булгакова, сразу ощутили в нем подлинную епископскую благодать. Как ни отличен был его легкий, столь типично английский облик от привычного типа нашего духовенства, внутреннее родство между ними было столь очевидно, что когда в 1936 году митрополит Евлогий при-

гласил епископа Фрира отслужить англиканский молебен в Александро-Невском соборе в Париже, все прихожане приняли его с теплым молитвенным подъемом.

Встреча с русским миром явилась также поворотным пунктом в жизни замечательного католика, французского священника Поля Кутюрье (1881—1953). Поль Кутюрье был преподавателем математики и физики в одном из католических учебных заведений Лиона. В начале 20-х годов около 10 тысяч русских эмигрантов поселилось в его городе. Поль Кутюрье был вовлечен в работу помощи им, и таким образом тесно соприкоснулся с православной Церковью, которая уже тогда была в дружеских отношениях с англиканами. Эти контакты открыли перед ним новые горизонты — он ощутил в глубине своего сердца единство всего христианского мира и посвятил себя делу вселенской молитвы о единстве всех христиан. В ней приняли участие не только католики, но и православные, англикане и протестанты. Это был дерзновенный шаг сына католической Церкви — призыв к молитве Церквей, находящихся в разделении и не имеющих общения в таинствах. И это произошло в то время, когда католическая Церковь еще не находила возможным участвовать в экуменическом движении. Отец Поль Кутюрье не был ни ученым богословом, ни выдающимся проповедником, но это был человек молитвы. Когда мы с Милицей встретились с ним в Англии, он произвел на нас неизгладимое впечатление священника, излучавшего тепло постоянного общения с Богом*. Движение,

---

* Когда мы спросили его, как он мыслит соединение Церквей, он сказал нам, что христиане всех Церквей должны измениться под водительством Святого Духа и все Церкви должны как бы подняться на высокую гору.

начатое этим скромным французом, распространилось на весь христианский мир и продолжается до сих пор. Во время немецкой оккупации Франции отец Кутюрье был заключен в лагерь за свою помощь евреям. Его память благоговейно хранится как католиками, так и другими христианами.

Верный сын своей Церкви, благодатный пастырь отец Кутюрье был несомненно мистиком. Другим встреченным мною мистиком была англичанка Эвелин Андерхил (1875—1941). В 1937 году она приехала на съезд Содружества. Я знал о ней как об авторе хорошо известных книг, и был удивлен, увидя маленькую, скромно одетую пожилую женщину. Ничего в ее облике не говорило о человеке больших знаний, богослове и мистике. Помню, как отец Сергий Булгаков, услышав ее замечание по поводу одного из докладов, отозвал меня в сторону и спросил: "Кто эта скромная старушка, которая говорит с такой необычайной мудростью?" Эвелин Андерхил происходила из состоятельной семьи, получила традиционное воспитание и была замужем за нотариусом. Мы бывали у них в гостях. Ничего в обстановке не указывало на редкие дары хозяйки. Ее книги являются одним из лучших исследований мистицизма. Она знала о нем не только от других авторов, но и из своего духовного опыта. Она была любимой руководительницей так называемых retreat'ов, которые собирают на несколько дней группу лиц, желающих провести время в молчании, размышлении и молитве. Ее влияние было обширно. Целое поколение с ее помощью молитвенно и с глубоким духовным пониманием вошло в жизнь своей Церкви. Эвелин Андерхил познакомилась с Православием уже под конец своей жизни. Она нашла в нем много созвучного, о чем свидетельствуют ее поздние писания.

Последним лицом, с которым я хочу познакомить моих читателей, является также англичанка, Зоя Ферфилд (1878—1936), одна из главных руководительниц Британского Студенческого Христианского Движения. Я встретился с ней в 1923 году в первый мой приезд в Англию. Она сразу произвела на меня большое впечатление, и я выбрал ее, чтобы поделиться с ней возникшей у меня идеей о созыве особой Англо-Православной конференции. Тогда это был план настолько необычайный, что показался и ей неосуществимым и неоправданным. Но уже через три года она с прозорливостью женской интуиции поверила в пророческое значение встречи западного христианского мира с Православием и взяла на себя всю ответственность за ее осуществление. Только благодаря ее энергии* был в 1927 году созван в St Albans съезд, положивший начало работе нашего Содружества. Зоя Ферфилд была высокая, худощавая женщина в больших очках и со сдержанной милой улыбкой. Самым замечательным в ней были ее глаза — умные, проницательные, ничего не упускающие из поля своего зрения. Ей была совершенно чужда сентиментальность, как религиозная, так и житейская. Она не боялась говорить правду в глаза своему собеседнику, но за этой строгой внешностью было большое, заботливое сердце. Оно было открыто ко всем ее друзьям и разнообразным сотрудникам. Мы с Милицей нашли в ней верного и чуткого друга, помогшего нам найти наше место в английской жизни.

Когда я покинул Россию, я был убежден, что истинная Церковь сохранилась только у нас, право-

---

* И при самом интенсивном сотрудничестве Николая Михайловича. — М. З.

славных, и что все христиане на Западе стали жертвой своих заблуждений. Встретившись лицом к лицу с инославными, я постепенно изменился в моих убеждениях. Я не усомнился в истине Православия, наоборот, православная Церковь раскрылась передо мною во всем богатстве своих духовных даров. Я убедился однако, что пределы Церкви недоступны нашему знанию, и не мог не видеть, что Святой Дух не оставил своими дарами западных христиан и не лишил их благодатной силы, преображающей жизни самых разнообразных людей и народов и превозмогающей их заблуждения, грехи и разномыслия.

Глава 4

АНГЛИЙСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Все, что происходило на нашей родине, порабощенной ленинизмом, близко касалось нас. Мы старались следить за движениями мысли, литературы и искусства, доходившими до нас. Судьба Церкви была в центре нашего внимания, так как мы верили, что русский народ сможет преодолеть связывающие его страх и ложь, только вернувшись к истокам своей христианской культуры.

Но как ни глубоко были мы вовлечены в драму, происходящую в нашей стране, мы жили и трудились не в Советском Союзе, а на Западе. Мы дышали живительным воздухом свободы и ценили этот дар даже больше, чем люди Запада, столь привыкшие к нему. Мы сами имели опыт несвободы, и из России до нас доносились геройские голоса тех, кто пытался бороться за нее.

Мы принадлежали к двум мирам. Богатая и разнообразная культура Запада захватила нас. Судьбы Англии, Франции и Америки — стран, принявших нас, — особенно глубоко нас тревожили. Несмотря на все разногласия между культурными наследиями

Запада и России, их корни питаются из одного источника христианского благовестия. Мы с женой поняли и полюбили западный мир, именно встретившись с его христианской традицией, и нашли близких друзей среди англикан, католиков и протестантов. С самого начала изгнания я вдохновился работой по сближению христиан, и мой интерес к ней возрастал с каждым годом.

Когда я впервые попал в Англию, о православной Церкви почти никто ничего не знал, хотя она и была представлена двумя общинами: греческой и русско-эмигрантской. Греческий приход в Лондоне состоял главным образом из богатых судовладельцев, имевших свой собор Св. Софии. Русские беженцы, вскоре расколовшиеся на сторонников митрополита Евлогия и так называемых "карловчан", не имели своих церквей, а пользовались поочередно храмом, предоставленным им англиканами. В Англии греки и русские жили своей замкнутой жизнью, не общаясь ни между собой, ни с английским религиозным миром. Официально отношения англикан с православными были дружескими, епископы и богословы обеих Церквей иногда встречались друг с другом.

Положение в Англии стало меняться в 1927 году с началом работы Содружества Св. Албания и Преп. Сергия. Число англикан и православных, познакомившихся друг с другом, постепенно росло. Появилась популярная литература о православной Церкви на английском языке. Парадоксально — эту работу по сближению с англиканами взяли на себя поначалу преимущественно русские из Парижа, тогда как греки, живущие в Англии, не принимали в ней участия.

После окончания Второй мировой войны в жизни православной Церкви произошли большие перемены.

Благодаря массовой эмиграции киприотов греческая епархия, возглавлявшаяся архиепископом Афинагором († 1979) и его викариями, стала вскоре насчитывать до 37 приходов*, раскинутых по всей Великобритании. Появился также ряд сербских, белорусских, украинских и румынских приходов. Подавляющее большинство их продолжало быть замкнутыми в своей национальной среде. Что же касается русского прихода, решающим поворотным событием в его истории было назначение его настоятелем в 1950 году иеромонаха Антония Блюма. Он вскоре стал известен широким кругам английских христиан своими богослужениями, проповедями и выступлениями по радио и телевидению. В 1958 году он был возведен в сан епископа, а в 1966 назначен Московской Патриархией митрополитом, а также экзархом Западной Европы.

Таким образом в Англии образовались две православные епархии, возглавляемые правящими епископами. Греческая епархия Вселенского Патриархата все время увеличивалась, число русских православных, как в Англии, так и во Франции, убывало. Первая русская эмиграция сходила в могилу. Этот процесс уменьшения числа русских православных в Англии не привел, однако, к упадку жизни в Лондонском и маленьком Оксфордском приходах, т. к. они стали привлекать все растущее число посетителей-англичан. В начале 70-х годов некоторые из них присоединились к Православию.

Сперва это были отдельные случаи, но когда их число возросло, возникли новые задачи перед православной церковью в Англии. Родилась необходимость

---

* В 70-х годах число греческих приходов возросло до 60.

богослужений на английском языке. Они стали происходить не только в Лондоне и Оксфорде, но и других городах Англии, где возникли небольшие английские приходы. К этому времени я стал меньше участвовать в международных конференциях, устраиваемых Всемирным Советом Христианских Церквей, и сосредоточил мою деятельность на Содружестве Св. Мученика Албания и Преп. Сергия Радонежского. Каждым летом мы с женой ездили на годовые съезды Содружества. В эти годы в съездах стало участвовать все больше и больше западных православных: англичан, французов, датчан, голландцев; русские, греки и другие восточные православные оказывались среди них в меньшинстве.

Летом 1975 года мы неожиданно были привлечены к новой работе: митрополит Антоний Сурожский созвал первый съезд представителей семи приходов его епархии. Большинство из них были англичане. Для нас это была настоящая встреча с английским Православием.

Целью съезда было взаимное знакомство членов этих приходов и углубление их понимания православной традиции. Эти съезды в Эффингаме повторялись каждый год. На них все больше проявлялось это новое церковное явление. Одной из характеристик Православия являются национальные особенности его поместных Церквей. Это одно из его богатств и его проблем. Единое по существу, оно многолико. Имеет ли свой лик ''английское Православие''? Я лично не только убежден в этом, но и надеюсь, что оно сможет внести свой вклад в общую сокровищницу церковного предания.

Три вопроса неизбежно встают в связи с английским Православием:

1. Почему англичане принимают Православие,

2. Каковы особенности их подхода к Церкви,

3. Будущее Православия в Англии.

Отвечая на первый вопрос, полагаю, что большинство англичан привлекается к Православию красотой и духовностью русского богослужения, в особенности Евхаристии. Многие из них, случайно попав на нашу службу, сразу чувствуют себя "как дома". В Православии они находят то, чего раньше долго искали: непоколебленность веры и апостольского предания и дух евангельской свободы, сохраненный нашей церковью. Они также ценят нашу непричастность к богословским спорам, возникшим в XVI веке между Римом и реформаторами. Встреча с Православием помогает западным христианам увидеть Церковь в новом свете.

На второй вопрос — о характере английского Православия — давать исчерпывающий ответ еще рано, т. к. оно находится лишь в первых стадиях своего развития, но, несмотря на это, оно уже сейчас отличается от русской и греческой церковной стихии. Православные англичане ведут себя в храме чинно, приходят к началу службы, знают и ценят ее литургичность, часто приобщаются. Этим они выражают свое желание сознательно участвовать в жизни Церкви. В то же время они свободны от тех национальных и политических страстей, которые так глубоко проникли в церковную среду восточных христиан. Им также не свойственны те эмоциональные крайности, которые часто мешают церковной жизни в России. Пройдя через период восприятия Церкви от русских или греков, англичане встают перед задачей самобытного понимания Православия.

Труднее всего ответить на третий вопрос. Английское Православие родилось в недрах русской Церкви. Поначалу только небольшие русские приходы, обре-

ченные на вымирание, открыли свои двери англичанам. Но русская Церковь в Англии почти не имеет новых пополнений. Возникает вопрос, успеет ли английское Православие достаточно вырасти и укрепиться до того времени, когда его вдохновители в лице русского духовенства и мирян, возглавляемых митрополитом Сурожским, сойдут со сцены?

Вопрос, выдержит ли английское Православие искус самостоятельного существования, связан также с общим положением православной Церкви в Англии. Отсутствие единой организации Православия и параллельное существование греческой и русской епархий, независимо строющих свою жизнь, неблагоприятно отражается на судьбе Православия в Англии.

Наглядным примером как трудностей, так и возможностей современного переходного положения может быть Церковь в Оксфорде. Ее православная община состоит из двух приходов: греческого и русского. Они окормляются двумя священниками: англичанином и американцем. Храм построен на земле экуменического центра дома Св. Григория и Св. Макрины на пожертвования православных разных национальностей, а также инославных друзей нашей Церкви. Богослужения ведутся для обоих приходов на трех языках: греческом, славянском и английском. Особым преимуществом Оксфордской общины является ее связь с университетом. Настоятель греческого прихода, отец Каллист Вер, — один из преподавателей университета. Среди прихожан есть как профессора, так и студенты. Церковь часто посещается представителями других вероисповеданий.

Большинство англичан, становящихся православными, входит в состав русского прихода, в котором русские уже в меньшинстве. Из восьми англичан — членов Оксфордской общины, искавших священ-

ства, — пять были рукоположены в юрисдикции Вселенского Патриарха, а трое — в русской, и все продолжают считать Оксфордский храм "своей церковью".

Принадлежность Оксфордской общины к разным епархиям до сих пор исключительное явление, и его опыт показывает возможность их сотрудничества. Так, например, "непреодолимые" канонические препятствия были преодолены, когда церковь в Оксфорде была освящена совместно тремя епископами: греческим, русским и сербским, в сослужении с пятью другими православными епископами и многочисленным духовенством. Такое церковное торжество оказалось возможным, т. к. в это время собралась в Оксфорде англо-православная богословская комиссия. Все ее англиканские участники были тоже приглашены на освящение храма.

Несмотря на отсутствие в Англии юрисдикционного единства, несмотря на трудности участия в службах на непонятных языках и несовершенство английского перевода богослужебных книг, английское Православие полно жизненной силы и вдохновения. Оно включает несколько сот глубоко верующих и хорошо богословски образованных людей. Среди них есть немало лиц, стремящихся к священству. Но будущее английского Православия все же продолжает быть под вопросом. Многое зависит от того, смогут ли восточные православные в Англии преодолеть свой узкий национальный провинциализм, почувствовать свою ответственность за будущее Православия в Англии и осуществить таким образом вселенское призвание православной Церкви. Конечно, это не исключает одновременно верность, углубление и очищение своих — русских и греческих — традиций, которые могут продолжать питать и вдохновлять наших новых братьев по вере.

Значение английского Православия в обновлении богослужения

Первая русская эмиграция пережила подлинное церковное возрождение. Пробудилась богословская мысль, высоко поднялся нравственный и культурный уровень духовенства, расширилось участие мирян в жизни приходов. Русская Церковь приобрела духовный авторитет среди западных христиан. Однако одна область церковной жизни осталась мало затронутой этим пробуждением — ею оказалось богослужение, которое продолжало совершаться по прежним, не всегда лучшим, образцам. Такие богословы-эмигранты, как архимандрит Киприан Керн и протопресвитер Александр Шмеман дали вдохновительное описание литургии как торжественного акта благодарения, в котором духовенство и миряне в полном единстве молитвы и любви возносят священные дары к престолу Всевышнего. Но нередко у нас литургия служится так, что священник читает про себя величественный Канон Евхаристии за закрытыми царскими вратами, и даже с задернутой завесой. Хор в это время заполняет храм своим концертным пением, а опоздавшие прихожане ставят свечи и прикладываются к иконам. Церковная община таким образом отстранена от священнодействия, происходящего в алтаре.

В течение долгого времени, участвуя в церковной жизни как во Франции, так и в Англии и Америке, я ощущал, что русская Церковь, обретя в изгнании свободу от государственной опеки, должна была бы остановить свое внимание на обновлении богослужения. Но только в самые последние годы моей жизни я был вовлечен в эту важную работу, и только бла-

годаря тому, что эта задача стала необходимостью для нашей церковной общины в Оксфорде.

Большинство православных, будь то русские, греки или румыны, предполагают, что литургия святого Иоанна Златоуста служится одинаково во всех православных Церквах. В действительности это не так. Правда, эти различия не касаются сущности таинства, но они все же далеко не маловажны. Литургия — это общее действо, но оно может совершаться более или менее сознательно в духе соборности. Опыт православной общины в Оксфорде показал на деле разницу в служении литургии.

Как было уже сказано выше, она состоит из двух приходов: греческого и русского; большинство членов последнего теперь англичане. Воскресная литургия служится поочередно по-гречески, по-славянски и по-английски. Современный греческий обряд разнится от русского: греки не поют заповедей блаженства на малом входе, после чтения Евангелия они сразу переходят к пению ''Иже Херувимы'' и великому входу. У нас же ход литургии здесь задерживается малыми ектеньями с их повторными ''паки и паки''. Греки не закрывают царских врат во время всей литургии, зато они не читают молитвы ''Верую и исповедую'' перед причастием мирян. Ввиду этих и других различий встал в Оксфорде вопрос, по какому чину следует служить литургию по-английски. Ответом на него было решение выбрать те особенности греческого и русского обихода, которые лучше выражают основной смысл литургии. В результате литургия на английском языке приобрела ряд преимуществ, которые дали мирянам возможность подлинного участия в совершении таинства. Так например, Евхаристический Канон читается священником вслух, так что в этом акте благодарения участвует

вся церковь. Она же повторяет за священником трижды ”аминь” после призывания Святого Духа на Святые Дары и на молящихся. Вслух иногда произносятся и другие молитвы, как например, молитва перед чтением Евангелия.

Значение опыта Оксфордской общины выходит за ее пределы. Он ставит перед церковным сознанием нелегкую, но чрезвычайно важную задачу — обновления нашего литургического обряда, очищение его от наносных и затемняющих прибавок и возвращение к его подлинным истокам.

ЧАСТЬ III

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕРЕ И ЖИЗНИ

Глава 1

ВЕРА В БОГОВОПЛОЩЕНИЕ

Я родился в лоне православной Церкви, вся моя жизнь была освещена верой в истину христианского Благовестия. На склоне моих дней я задаю себе вопрос: "Трудно ли было мне верить в Боговоплощение?" Неожиданно для себя я нахожу, что это, казалось бы, невозможное соединение в личности Иисуса Христа — Истинного Бога, Творца вселенной и подлинного человека, подобного нам, — не было никогда для меня камнем преткновения. Я не являюсь исключением. Неоднократно обсуждал я этот вопрос с христианами разных вероисповеданий, хорошо осведомленными как в области научных, так и философских знаний, и всецело верившими в истину Боговоплощения. Думаю, что нам в некотором смысле легче поверить в Боговоплощение, чем современникам Христа. Нам помогает история и новейшие достижения науки. Конечно, возможность Боговоплощения никогда не перестанет быть вызовом нашему самодовлеющему разуму. Христианство ставит перед каждым из нас вопросы коренного пересмотра всей нашей жизни и ответственного отношения как к своим

убеждениям, так и ко всему процессу познания окружающего нас мира.

В настоящее время существуют два совершенно несовместимых представления о вселенной. Одно утверждает, что мир не имеет ни начала, ни конца и что вся сложнейшая эволюция космоса является результатом столкновений бесконечно малых, безличных и слепых единиц энергии. Другое — противоположное ему — основано на убеждении, что вселенная имеет Творца. Первая точка зрения всегда казалась мне несогласуемой ни с данными науки, ни с опытом повседневной жизни. Для меня лично очевидно, что мы, люди, как и весь окружающий нас мир, не возникли сами собой, но сотворены высшей и разумной силой. Но может ли Всемогущий Творец отождествить себя с судьбой своего творения? Сама идея, что Творец может стать тварью, — фантастична, но и все творенье фантастично по своей сложности и простоте, разнообразию и единству, целеустремленности и расточительности.

Но если умом возможно принять Боговоплощение, то наше сердце протестует против него. Оно не выносит ни этого самоуничижения, ни этой неистощимой, все покрывающей любви. Вера в страждущего Бога пугает и тяготит нас. Мы ищем всякого предлога, чтобы доказать себе и другим невозможность такой любви. Насколько легче верить в Творца вселенной, бесстрастно взирающего с недоступной высоты на ту крупинку, которую мы называем землей, населенную нами, микроскопическими существами. Но христианство открывает перед нами иной лик Творца, любящего и знающего свое творение, желающего вступить в личное общение с теми, кто получил от него дар разума и свободы выбора между верой и неверием, между добром и злом.

Опыт Церкви показывает, что человек способен спорить и бороться с Богом и даже отрицать Его существование. Он желает строить свою жизнь по своей воле, не хочет отвечать за свои поступки, он чувствует себя всецелым хозяином земли и перекраивает ее для своих эгоистических целей.

На самом деле этот спор человека с Богом, его настоящая одержимость Богом рождается из созвучности творения со своим Творцом. Все, что окружает человека, вызывает в нем всепоглощающий интерес. Он способен разгадывать тайны мироздания. Творя отвлеченные математические формулы, он находит их подтверждение в структуре космоса. Человек создан по образу и подобию Божию, и это подобие является основой и самой веры в Боговоплощение.

Эта вера дала смысл моей жизни, озарила своим светом мои отношения с людьми и определила цель и характер моей общественной и академической работы. Но в то же время я никогда не забывал, что большинство из людей, окружающих меня, отрицали эту основу христианской веры. Выбор между верой и неверием происходит в тайной глубине нашего сердца, где человек слышит голос Божий. Там он подлинно свободен принять или отвергнуть его. Сделав этот решительный шаг, мы обычно стараемся рационально оправдать его. Меня всегда удивляло однообразие доводов неверия. Если исключить уже совсем невежественный аргумент — ''наука доказала, что Бога нет'', эти доводы сводятся большей частью к трем категориям:

1. Евангельское учение о Боговоплощении несовместимо со смертью и страданиями, царящими на земле.

2. Церковь, основанная для спасения людей, оказалась неспособной оградить своих членов от власти греха и страстей.

3. Библия описывает чудеса, верить в которые не может современный человек.

1. Каждый из нас неизбежно задавал себе вопрос, как может благой и всемогущий Творец допустить вопиющую несправедливость, невинное страдание, торжество зла над добром и стихийные бедствия. Много раз я обсуждал эти жгучие вопросы с моими друзьями. Богословы всех времен и всех народов искали разрешения этой проблемы. Я верю, что ответ на нее дан в божественном и страшном даре свободы, зовущей людей к совершенству, но и позволяющей им убивать друг друга и превращать в ад свое земное существование. Эта свобода простирается и на все творение. Космос содержит Божественный план и тварную свободу. Из-за нее неизбежны ошибки и катастрофы. Все попытки человечества оградить себя от страдания своими силами неизбежно приводят к утопии, упраздняющей свободу.

Христианство дает иное понимание тайны страдания. Оно не есть только зло, но и путь роста и искупления. Церковь учит, что Божественная любовь ищет ответной любви своего творения, а она невозможна без свободы. Творец вселенной не остается отрешенным зрителем земной драмы. Он сам участвует в ней. Жизнь, смерть и воскресение Богочеловека не только свидетельствуют о Его любви, но также раскрывают конечную победу добра над злом, жизни над смертью. Смысл человеческого существования становится нам понятным, если мы видим нашу земную жизнь как этап в развитии нашей личности.

2. Критика Церкви, в особенности ее духовенства — одна из излюбленных тем для тех, кто ищет морального оправдания своего неверия в Боговоплощение. Церковь не лишает человека свободы делать зло, а углубляет его понимание и добра, и зла. Вокруг и внутри Церкви идет непрерывная борьба, рост добра усиливает сопротивление зла, и христиане несут бо̀льшую ответственность за все свои поступки. История Церкви наряду с грехами и преступлениями ее членов содержит поразительные примеры святости и жертвенности. Церковь освещает страдный путь человечества к спасению. Там, где потухает ее свет, жизнь становится серой, безнадежной и бессмысленной.
3. Библия — книга единственная и неповторимая. В ее состав входят богословские, пророческие, законодательные и исторические писания. Она включает высокую религиозную поэзию, афоризмы житейской мудрости и нравоучительные повести, подобные рассказу об Иове многострадальном или о строптивом пророке Ионе. Библия составлялась в течение столетий. Ее авторы видели мир по-иному, чем мы воспринимаем его теперь. Их представления о возможном и невозможном не соответствуют нашему опыту. Поэтому чудеса, описываемые в Библии, далеко не однозначны.

Библия рисует людей такими, какими мы их знаем, она не щадит красок, рассказывая о их жестокости, вероломстве и трусости, но за этой привычной картиной греха и порока встает иная действительность личного общения человека с Богом, более подлинная, чем та, которая доступна большинству человечества. Мир более таинствен, чем он кажется тем людям, которые отрицают все, что не умещается в узкий круг их личного опыта. Для таких людей

Библия молчит, для них нет чудес. Сущность же чуда — в торжестве духа над материей. Может казаться, что чудо несовместимо с законами природы, но, с одной стороны, эти законы сами по себе являются лишь гипотезами, постоянно подвергающимися уточнению и дополнению, а с другой стороны, чудо не упраздняет их, но освобождает от иллюзии их абсолютности.

Центральной темой Библии является величайшее, самое потрясающее чудо в истории человечества — чудо Боговоплощения. Вера в это чудо есть тот краеугольный камень, на котором зиждется христианство. Споры между верующими и неверующими никогда не прекратятся. Самые лучшие доводы бессильны переубедить противника — истина недоказуема, но показуема. Вера же в Боговоплощение раскрывает божественную природу искупленного человека и его конечное преображение.

Глава 2

ИСТОРИЧНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА

Христианство укоренилось в истории. В отличие от восточных религий оно не только помогает человеку найти самого себя и осмыслить свою жизнь, но оно также свидетельствует об участии Бога в судьбах человечества. Христианская вера в Боговоплощение зиждется на исторических фактах жизни, смерти и воскресения Иисуса Христа, галилейского плотника, жившего в Палестине в начале нашей эры. Достоверность священных книг, свидетельствующих об этих событиях, является поэтому для верующих вопросом первостепенной важности. К понятию о достоверности можно подойти с двух сторон. С одной стороны, можно исследовать авторство, место и время написания книги, проверить, насколько современная редакция ее отлична от первоначальной. Это те задачи, которые ставит перед собой библейская критика. Огромная и всесторонняя работа проделана в этой области, но она далеко не закончена, и едва ли споры вокруг происхождения и значения отдельных книг когда-нибудь прекратятся. Библейская критика, в которой участвуют не только

христиане разных традиций, но и их противники, пролила много света на сложную историю библейских повествований. Ряд привычных установок потребовал пересмотра. Но несмотря на это, общая оценка библейского повествования признает, что наряду с легендарными и назидательными рассказами Библия содержит описание ряда событий подлинно исторических и что лица, упомянутые в ней, не придуманы авторами. Поэтому, с точки зрения библейской критики, книги Ветхого и Нового Завета удовлетворяют основным требованиям достоверности.

Православное богословие было вовлечено в библейскую критику менее, чем западные вероисповедания, но оно не отвергает факты, установленные ею, хотя и дает им свое истолкование. Так, например, библейские критики предполагают, что книга пророка Исайи включает записи проповедей не одного, а нескольких пророков, но для верующих важно то, что все их голоса звучат боговдохновенно. Если современный текст Евангелий построен на источниках происхождения более раннего, чем это считалось раньше, это не лишает образ Спасителя подлинности. Возможно, что не все послания, приписываемые апостолу Павлу, написаны им самим, но они все же отражают его дух и содержат истинное учение Церкви. Для православного авторитет священных книг зависит не столько от того, чье имя приписано к ним, а от того, что они были избраны соборным решением Церкви.

Но к вопросу о достоверности Священного Писания можно подойти с совсем другой стороны. Библию можно видеть не только как исторический документ, но и как Боговдохновенную книгу, дающую человеку свидетельство возможности Богообщения, книгу, способную переродить его. Значение Библии

раскрывается в той власти и авторитете, которыми наполнены страницы этой единственной книги. В центре Библии немеркнущим светом горят четыре Евангелия. Каждое по-своему дает образ Спасителя, дополняя и обогащая его. Неодинаковость и даже кажущиеся противоречия разных черт их повествования дают ему свою особую глубину и многогранность. Евангельское описание Учителя, говорящего притчами с теснящимся вокруг него народом, Целителя, поднимающего человека со смертного одра, Пророка, с гневом изгоняющего торгующих из ”дома Отца моего”, друга Лазаря, плачущего над его могилой — достигает такой неповторимой силы и реальности, которые помогают личной встрече со Спасителем мира и раскрывают тайну Боговоплощения.

Я лично никогда не был вовлечен в работу по библейской критике. Для меня как историка гораздо большее значение представляют исторические события, сопровождавшие пришествие Спасителя, и те исключительные обстоятельства, которые способствовали быстрому распространению христианского благовестия. Иисус Христос родился в средиземноморском мире, в этом очаге вселенской культуры человечества. Его рождение совпало с тем периодом, когда Римской империи удалось объединить все прибрежные страны Средиземного моря, обеспечить безопасность путей сообщения и создать такой гражданский строй, который давал возможность свободного общения между людьми, живущими на всем этом пространстве. Сам Христос был сыном еврейского народа, который в течение двух тысяч лет подготовлялся к пришествию Мессии. Этот долгий и сложный процесс описан в самом необычайном памятнике мировой литературы — Ветхом Завете. Иудеи отличались от всех окружавших их племен.

Они поклонялись Единому Всемогущему Богу, Творцу неба и земли, внушавшему трепет грешным людям. Но они сочетали свой строгий монотеизм с сознанием, что Бог принимает живое участие в жизни человечества, что Он Бог Авраама, Исаака и Иакова и знает поименно своих сыновей и дочерей. Этот непокорный народ, находившийся в постоянных столкновениях со своими мощными соседями, на короткое время оказался в пределах Римской империи, в то же самое время сохраняя свой Храм и частичную автономию своей религиозно-национальной жизни. Этот период длился всего сто лет — Палестина попала под власть римлян в 63 году до Р. Х., а через 103 года (в 70 году по Р. Х.) Иерусалим был ими же разрушен, и началось еврейское рассеяние. Именно в середине этого периода родился Спаситель.

Таким же удивительным в истории Боговоплощения является тот факт, что христианское благовестие разнеслось по всей Римской империи не на еврейском, а на греческом языке, самом совершенном из всех древних языков, языке Эсхила, Софокла, Эврипида, Сократа, Платона и Аристотеля, содержащем в своем словаре понятия, необходимые для проповеди христианства с его верой в Триединого Творца и Бога-человека.

Таково было необычайное сочетание обстоятельств, при которых совершился глубочайший перелом в судьбах человечества. Христианство в корне изменило природу людей. Простые рыбаки из Галилеи, этой глухой провинции, превратились в дерзновенных вселенских апостолов, вся средиземноморская земля обагрилась кровью мучеников, этих бесстрашных свидетелей истины Боговоплощения. Первый раз в истории обычные люди, мужчины, женщины и даже дети, стали находить в себе силу побеж-

дать страх страдания и смерти, не склоняться под тяжестью всеобщего осуждения, не бояться угроз всесильного авторитета империи. Это были люди, обретшие подлинную свободу. И вся последующая история Церкви повествует о том же рождении нового человека.

Глава 3

БРАК КАК ТАИНСТВО ЦЕРКВИ

Весной 1979 года митрополит Сурожский попросил меня прочесть на православном съезде в Эффингаме доклад о браке как таинстве Церкви. Я пытался отказаться от этого, т. к. до тех пор я мало задумывался над этой темой. Но владыка настаивал, и я согласился. Вначале мне представлялось, что брак — одно из наименее спорных таинств. Оно избежало богословских разногласий, которые окружают такие таинства, как Крещение, Евхаристия или Священство. Оно не вызвало разделения среди христиан, и цель его и значение кажутся понятными каждому члену Церкви. Она, как добрая мать, дает свое благословение союзу любви между мужчиной и женщиной, молится о благополучии их супружеской жизни и хочет видеть их счастливыми и мудрыми родителями, воспитывающими детей в духе Православия.

Но стоит только обратить внимание на то, что брак по учению Церкви не только благословение, но и таинство, как ряд трудных вопросов неизбежно возникает в нашем сознании. Таинство есть личная встреча между верующим и нашим Спасителем — Иисусом

Христом. Хотя каждый из нас общается с Ним, когда молитвенно обращается к Нему, таинство есть особая встреча, т. к. в ней участвует еще третье лицо — Церковь. Ее присутствие налагает сакраментальную печать на внутреннюю встречу со Христом, дает верующему благодать Святого Духа. Среди таинств Церкви брак занимает особенное положение, потому что он не только соединяет каждого верующего со Христом и Церковью, но и создает союз двух людей навеки.

Первым вопросом, вставшим передо мной, было выяснение сравнительной роли в таинстве брака венчающихся и самого чина венчания. Таинство бракосочетания имело долгую эволюцию в истории Церкви, более сложную, чем какое-либо иное из ее таинств. В течение многих столетий Церковь ни на Востоке, ни на Западе не создавала особого обряда для совершения брака. Она унаследовала идею Римского права, согласно которому брак совершается свободной волей вступающих в брак без всякого участия со стороны государства и общества. Но т. к. брак неизменно имеет социальные и имущественные последствия, то Римское право предоставляло своим гражданам различные способы его обнародования. Церковь следовала той же традиции. В ее глазах сами брачующиеся совершали свой брак, но для того, чтобы сделать его общепризнанным, они могли обратиться с этой целью или к священнослужителям, или же к гражданским властям. После этого верующие искали благодать брака в совместном причастии Святых Таинств. Если женатые язычники обращались в христианство, их брак признавался не требующим церковного утверждения.

Постепенно, однако, стало расти среди верующих желание придать церковному благословению обособ-

ленную форму и особую торжественность — так возник чин венчания. Однако далеко не все члены Церкви тогда допускались до него. Так например, торжественно венчались девственники, но не вдовцы, хотя их брак считался законным. Создается впечатление, что делалось различие между таинством Церкви и ее простым благословением на совместную жизнь.

В конце IX века император Лев Мудрый добился разрешения венчаться, хотя он был вдовцом. Это положило начало ослаблению церковной дисциплины, и венчание в церкви стало рассматриваться как общая для всех форма брака. Эта эволюция в церковной практике совпала с широким распространением христианства, с одной стороны, и потребностью государства иметь одну общеобязательную форму признания брака, с другой. В результате светская власть начала искать у Церкви помощи в осуществлении этой задачи. Таким образом, таинство Церкви сделалось государственным актом. Этим самым роль священника приобретала первенствующее значение и его участие стало необходимым условием законности брака — таинство брака и его законность стали равносильны. Первоначальное же учение Церкви, что вольное решение жениха и невесты соединить свои жизни во Христе является непременным условием совершения брака, никогда, однако, окончательно не забывалось. На это указывает практика Церкви, которая рассматривает брак недействительным, если доказано, что один из брачующихся венчался насильно. Но все же влияние государства нарушило гармонию между волей брачующихся и чином венчания настолько, что стали возможными такие явления в Российской Империи, как венчание людей, не верующих в Бога и отрицающих благодать Св. Таинств. Церковь была принуждена преподавать это таинство так-

же лицам, явно вступающим в брак из корыстных или других недостойных побуждений.

Подобные отступления от церковного учения неизбежны в странах, признающих церковный брак единственно законным. В других государствах Церковь, освобождаясь от навязанной ей обязанности венчать всех граждан независимо от их убеждений, получает возможность восстановить правильный подход к таинству. Мне представляется, однако, что проблема брака этим не исчерпывается, т. к. существует еще другая группа лиц, венчание которых остается проблемой для церковного сознания, — я имею в виду людей, не враждебных христианству, но смотрящих на венчание только как на красочный обряд, выгодно отличающийся от прозы государственной регистрации. Многие из этих лиц хотели бы иметь религиозное освящение своего брака, но они не разделяют церковного учения о таинствах и не намерены следовать христианскому идеалу брака. Может ли Церковь венчать их?

Тесно связан с этой проблемой и другой вопрос: о положении членов Церкви, которые находятся в гражданском браке и, по разным и часто серьезным соображениям, не венчаются в Церкви. Нужно ли рассматривать их как подлежащих осуждению или же предоставить им ту свободу выбора, которую давала своим членам Церковь в первое тысячелетие своей истории?

Мои рассуждения на эту тему подвели меня ко второй богословской проблеме брака как таинства: какова цель христианского брака и почему Церковь причисляет его к одному из своих основных таинств. Традиция Церкви содержит далеко не одинаковые истолкования этого вопроса. Одно из них связано с богословием Св. Августина, оставившего столь

глубокий след на всем дальнейшем развитии западного христианства. Св. Августин с особой силой переживал зараженность всего человечества первородным грехом. Этот грех передается по его мнению от одного поколения к следующему через акт полового общения, но в то же время он необходим для продолжения человеческого рода. Римская Церковь поэтому старается помочь своим чадам в этом двусмысленном положении. Грех искупляется деторождением. В браке с деторождением католическая Церковь видит оправдание и очищение пола, и поэтому она осуждает все искусственные вмешательства в деторождение. Высоко ставя чистоту христианского брака, она все же настаивает на безбрачии духовенства.

Существует и другое отношение к браку, более распространенное среди восточных христиан. Оно имеет нечто общее с первым, но далеко не тождественно с ним. Согласно этому взгляду, свое высшее призвание человек осуществляет, принимая ”ангельский чин” монашества, отрешаясь от страстей и забот сего мира*. Те же, кто не в силах идти этим путем аскетизма, получают помощь в таинстве брака. Пол не отвергается как таковой, но чем свободнее от его власти человек, тем ближе он к Богу. В браке достигается чистота супружеской жизни, если в ней соблюдается церковная дисциплина и преодолевается чувственность. Характерно, что восточные Церкви признают женатое духовенство, но тоже характерно, что брак должен совершиться до рукоположения. Приме-

---

* Все же знаменательно, что чин пострига обычно не считается таинством, тогда как брак имеет в церковной жизни особое значение и признает его идеалом наивысший идеал — образ Пресвятой Троицы.

чательно то, что в житиях святых нередко упоминается, что праведники были детьми пожилых родителей.

Третий взгляд прямо противоположен двум предыдущим. Согласно ему человек создан для брака. Аскетизм, безбрачие противоречат его природе. Церковь благословляет брак и деторождение. Христианская семья не только создает единство и счастье мужа и жены, но она является также неотъемлемым основанием христианского общества. От прочности брака зависит благосостояние народа и государства.

Четвертый взгляд рассматривает брак с иной точки зрения. Согласно ему, мужчина и женщина преодолевают свой эгоизм в любви, в ней находят завершение развития своих личностей, источник творчества и вдохновения. Ценность брака не зависит ни от деторождения, ни от его общественной пользы. Все эти четыре взгляда видят в браке источник помощи в земном странствовании человека. Они подчеркивают готовность Церкви наставлять, укреплять и благословлять своих членов в их семейной жизни, но ни один из них не дает убедительного ответа на вопрос, почему именно брак — таинство Церкви, почему он создает то сакраментальное общение со Христом, которое характерно для всех таинств.

Пятое истолкование брака ближе подходит к решению этого вопроса. Брак есть дар любви Бога человечеству. Его получили Адам и Ева еще в раю. Они были призваны помогать друг другу в Богообщении и познании окружающего мира. И здесь случилась катастрофа. Адам не сумел помочь Еве, вместо того, чтобы поднять ее, он пал вместе с нею. Но и после грехопадения люди всех стран и народов находили путь к своему нравственному просветлению в супружестве. Ветхий Завет раскрывает новое значение

брака, он превращается в путь, ведущий к Боговоплощению, праотцы и патриархи со своими женами становятся прародителями грядущего Спасителя мира, звеньями в золотой цепи, связующей первого и второго Адама.

Конечно, раскрытие тайны брака дает нам Новый Завет. Евангелие от Иоанна повествует о браке в Кане Галилейской. Иисус Христос и его Матерь приглашены на свадебное торжество. Своим присутствием Христос освящает как брачующихся, так и сам брак. В то же время, превращая воду в вино, он раскрывает новое значение брака, неизвестное дотоле человечеству. Брак не перестает быть благодеянием и помощью для людей, строющих свою жизнь на земле, но он открывает его также как *путь восхождения вверх.* В нем появляется вертикальная линия. Муж и жена, становясь единой плотью, вручают друг другу ответственность за свое спасение. Они делаются друг другу духовными руководителями, старцами, любящими не только земной, но и божественный образ своего спутника. Но спасение вдвоем имеет и свои опасности. Муж и жена обнажены друг перед другом. Каждый из них, хотя и по-разному, вносит в брачную жизнь свои грехи и соблазны. Им дано видеть добро и зло, которые сокрыты от других взоров.

В подлинном браке супруги призваны искать совершенства. Но оно не достижимо для них, если они не призовут на свой брак Христа Спасителя, не увидят свой путь в свете Евангельского благовестия. Так христианский брак становится таинством — личной встречей со Христом, малой Церковью по образу Святой Троицы.

Подобное истолкование брака еще сильнее подчеркивает существующее противоречие между браком

как таинством и современной церковной практикой. В Советском Союзе тяжелой ценой гонений и мученичества Церковь возвращается к первоначальному положению, когда брак как таинство был даром Церкви своим верным членам и не был связан с законами государства. Ураган русской революции выкорчевал старый русский быт. Свадьба в церкви стала редким и опасным исключением. Но это не может длиться всегда. Общество, освобожденное от бдительной опеки вездесущей полиции, не захочет удовлетворяться скудной церемонией, предлагаемой ему ''дворцами счастья''. Красота и символика чина венчания, этого высокого достижения православного литургического творчества, снова станет привлекать тысячи брачующихся. Сможет ли Церковь охранить святость таинства брака? Его истинная ценность заключается не в его поэзии, а в той благодатной силе Божией, которая даруется верующим участникам таинства. Подлинное значение брака как таинства раскрывается лишь лицам, живущим в Церкви и следующим ее учению. В таинстве крещения умирает ветхий человек и рождается новый. В таинстве брака прекращается самостное существование жениха и невесты и начинается их жизнь в единении друг с другом и со Христом.

ОБРЯД ВЕНЧАНИЯ

Введение. Православный обряд бракосочетания, как он совершался в старой России, имел особое очарование своей торжественной красотой, задушевной поэзией и глубиной своей символики. Как и во всех

других службах православной Церкви, значительность свадебного обряда заключается в том, что он содержит учение Церкви о высоте и тайне христианского брака. Он представлен как царственный пир, полный радования и веселия. В нем участвует вся ветхозаветная и христианская Церковь. Недаром он называется Венчанием.

Описание обряда. Служба состоит из трех частей: Обручения, самого Венчания и Разрешения венцов. Обычно все три совершаются в одно время.

Обручение. Первым приходит в церковь жених. Он приветствуется пением первого псалма и ожидает невесту в молитве. При ее появлении, в белом одеянии с длинной фатой, раздается пение слов Песни Песней Царя Соломона: ”Гряди, гряди голубица, чистая моя”. Перед ней идет мальчик с иконой — благословение родителей. Она будет освящать их новый дом. Священник встречает их в первой части церкви, где он и совершает обряд обручения, во время которого благословляются кольца — символ их вечного единства. Они трижды обмениваются ими и произносится молитва об их обручении в ”вере, единомыслии, истине и любви”. Эта молитва кончается словами об ”ангеле, предводительствующем им во все дни их жизни”.

Венчание. Венчающиеся с зажженными свечами ведутся священником к середине церкви, где приготовлен аналой с Крестом и Евангелием на нем и новым шелковым платом перед ним. Священник предваряет само священнодействие венчания ”поучительным словом о тайне супружеской жизни” и обращается к ним с вопросом, ”доброй ли волей и крепкою мыслью”

пришли они к обоюдному решению ”взять его (имя рек) себе в мужа”, а ”ее себе в жену”. Это — единственная часть обряда, обращенная к человеческой воле брачующихся. Все, что следует за этим, содержит благословение Церкви и общую молитву о Божией помощи сохранить и преумножить ту благодать, которая даруется таинством молодым.

Аналогия с Евхаристией. Само таинство бракосочетания начинается тем же возгласом, которым начинается и Божественная Литургия: ”Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа”. Этим же возгласом начинается и таинство Крещения. Весь строй бракосочетания в своих главных частях напоминает Евхаристию. Эти части в свою очередь перемежаются молитвами и ектениями, в которых вспоминаются четы ветхозаветных прародителей, восходящих до самого сотворения человека в раю. В прошениях мы молимся: ”о твердой вере” молодых и их ”спасении”, ”о совершенной любви, мире и согласии”, ”о рождении детей и внуков”, молимся о ”родителях, воспитавших их”, ибо ”их молитвы утверждают основания домов”.

Каковы же главные части литургии и венчания? Малый вход литургии с Евангелием и чтение его представлены в обряде венчания возложением венцов. Священник благословляет венцы, и их держат над головами молодых шаферы, стоящие за ними*. Следует торжественное провозглашение венчания: ”Господи Боже наш, славою и честию венчай я (их)”. Райское происхождение брака и его царственное наз-

---

* В греческой Церкви венцы полагаются на головы жениха и невесты, чем весьма упрощается совершение шествия в конце венчания.

начение не преуменьшаются, как бы скромны ни были условия жизни молодоженов. Как и в литургии, за этим следует чтение Апостола и Евангелия. Апостол Павел в своем послании к Ефесянам говорит о великой тайне мужа и жены, становящихся "единой плотью" по образу тайны "Христа и Церкви". Евангелие от Иоанна повествует о первом чуде, совершенном Господом, когда Он, по просьбе Его Матери, превратив воду в вино, придал новое значение уже совершившемуся браку. Здесь чин венчания переходит сразу к чтению молитвы Господней: "Отче наш...", а за ней к благословению общей чаши вина — аналогии с причастием Св. Таин в литургии. Молодые трижды пьют попеременно из общей чаши, символ общности всей их жизни, их радостей, творчества и духовного восхождения. В христианской семье вино жизни супругов с годами становится, как в Кане Галилейской, все драгоценнее, не так, как бывает в браке, построенном только на естественном влечении.

Нарастающая глубина символики чина венчания завершается под конец службы, а не в середине ее, как в литургии. Она раскрывается в трехкратной процессии вокруг аналоя, следовательно, вокруг Креста и Евангелия, на нем лежащих. Священник соединяет руки венчающихся, покрывает их орарем и ведет их, сопровождаемых шаферами, держащими венцы над их головами. В это время поются три песнопения, раскрывающие всю полноту пути христианского брака.

Первое песнопение, начинающееся словами "Исаия ликуй", говорит о жизни христианской семьи в Церкви, в общении со святыми, в центре которых пребывает Божия Матерь.

Второе песнопение, начинающееся словами "Святые мученицы", говорит о том, что путь христианского брака есть также путь креста, путь преодоления самости и греха, путь жертвенной любви.

Третье песнопение воспевает Пресвятую Троицу: "Слава тебе, Христе Боже наш, Апостолов похвала и мучеников радование, их же проповедь — Троица Единосущная". Идеал христианского брака высок — он должен стремиться к образу Святой Троицы. Это сложное тройное действие, полное красоты и значения, обычно сравнивается с Великим Входом литургии. В нем жертвоприношением являются сами венчающиеся.

Другая аналогия: Знаменательно, что такая же процессия, с теми же песнопениями совершается в православном богослужении только еще в случае рукоположения во священника и диакона, ибо он обручается и венчается Церкви. Хотя православный священник часто женат, но его рукоположение становится другим браком, а его семейная жизнь приобретает новое посвящение и новое аскетическое значение.

Конец венчания. Снимаются венцы со словами: "Возвеличися женише" и "И ты невеста, возвеличися"... и молитвой, чтобы после земной жизни в браке муж и жена получили лучшие венцы в Царствии Небесном.

Третья часть обряда венчания, очень краткая, предполагает совершаться на восьмой день, но обычно, если совершается, то сразу после второй, и состоит в благословении на долгую жизнь в союзе "нерастерзаемом".

ОБРЯД ВТОРОБРАЧИЯ

Разрешение на второй брак не является противоречием царственному величию и высоте идеала православного обряда венчания, который хотя и совершается в "союз навеки", но весь состоит из призывания помощи Божией, без которой человеку, в его слабости и греховности, невозможно его осуществить. Поэтому обряд второбрачия начинается с молитв, в которых упоминается "немощь человеческого естества" и приносится покаяние за "*грехи наши*", ибо "Владыка Господь и Бог наш всех щадит и тайная человеческая ведает". Церковь, как милосердная мать, не берется судить, чей грех и чья вина привела к необходимости второго брака и не отказывает брачующимся ни в своем благословении, ни в помощи в их новом стремлении осуществить высокий идеал брака. Существенные части венчания остаются теми же, что и при первом венчании.

Глава 4

ИСКУССТВО ДРУЖБЫ

Со времени моего детства и юности я всегда был окружен друзьями. Дружба вдохновляла меня в гимназические и университетские годы и в продолжение всей моей дальнейшей жизни. Моя работа лектора и организатора Русского Студенческого Христианского Движения, а впоследствии Англо-Православного Содружества, преподавание в Оксфордском университете и многократное участие в международных съездах давали мне возможность знакомства с большим числом лиц разного возраста, национальностей и убеждений. Я даже завел особую тетрадь, в ней под номерами записаны имена тех, с которыми у меня были интересные встречи. Их набралось больше 8.000 человек. Среди них немало людей, ставших моими близкими друзьями.

Чем дружба отличается от других человеческих отношений? Для большинства людей наиболее подлинные и важные для них связи сосредотачиваются в семейном кругу. В нем человек находит свою опору в жизни, семья приносит ему как самые счастливые, так и наиболее тяжелые переживания. За этим

кругом стоят связи с людьми, обусловленные бытом, профессией, службой. Мы не свободны в выборе этих отношений, и в них обычно проверяется наше умение или неумение общаться и сотрудничать с другими. Здесь мы вступаем в соревнование, побеждаем или терпим поражения. Есть еще третий круг, включающий тех людей, с кем мы делим часы нашего досуга. Это наши приятели, с которыми мы встречаемся в клубах, за картами, шахматами или в спортивных состязаниях.

Дружба вносит новое измерение в людские отношения. Понятие ''другой'', сочетающее и сходство и различие, раскрывает сущность дружбы. В друге мы находим человека, близкого нам по духу, с мыслями и переживаниями, созвучными нам, но совсем не нашего двойника, не лицо, тождественное с нами. Наоборот, вдохновение дружбы рождается из общения с личностью, идущей своим путем, имеющей свою судьбу. Вот почему одна дружба не похожа на другую. Она может возникнуть между людьми разного пола, возраста, национальности и религии. Дружба может сочетаться с другими отношениями, любящие муж и жена могут быть или не быть друзьями, то же можно сказать о брате и сестре, об учителе и ученике. Дружба строится на независимости, она несовместима с желанием обладать другом или подчиниться ему. Этим она отличается от влюбленности или от преклонения. Ощущение равноценности вносит в дружбу элемент свободы. Дружба не налагает на людей оковы или обязательства, но связывает их тонкой, но крепкой нитью, часто невидимой и непонятной со стороны. Дружба всегда бескорыстна. Если кто ищет полезных или влиятельных друзей, то он прикрывает этим именем совершенно иные отношения.

Дружба часто возникает неожиданно от вспыхнувшей искры восхищения, она дает радость открытия нового мира. Смысл дружбы заключается в ней самой. Она обогащает нас и дает нам более глубокое и целостное ощущение жизни, так же как любимая симфония или как встреча с произведением искусства, волнующим нас. Вглядываясь в образ друга, мы видим и себя в новом свете. Дружба учит нас внимательно вслушиваться в голос друга и говорить с ним подлинным языком.

Как разнообразны формы и выражения дружбы, так различны отношения к ней. Есть люди, которые не нуждаются в дружбе или не способны к ней. Для других дружба возможна лишь с одним избранным другом, часто найденным в молодости. А иные встречают новых друзей в продолжение всей своей жизни. Часто возникает вопрос — может ли быть подлинная дружба между мужчиной и женщиной. Для одних такая дружба немыслима, но есть много примеров творческой и подлинной дружбы мужчины и женщины. Дружба есть дар, и как всякий дар она требует любовного и критического отношения к себе. Она, как и искусство, питается корнями, уходящими в глубину интуитивного опыта человечества. Поэтому она обладает большой жизненной силой.

Я глубоко благодарен всем моим друзьям, которые готовы были поделиться со мной частью своего опыта, приоткрыли свой внутренний мир для меня и вместе с тем с теплым участием заинтересовались моей жизнью. Они помогли мне на опыте познать как единство человеческого рода, так и неповторимость и ценность каждой личности.

Мой хвалебный гимн дружбе подвел меня к основной теме: в чем ее цель и значение в свете христианского учения о человеке. Евангелие соединяет

воедино любовь к Богу и к ближнему и видит спасение в преодолении той сосредоточенности на себе, которая превращает нас в пленников самих себя, мешая нашему духовному росту. Наш эгоизм делает нас слепыми по отношению к окружающим людям, мы просто не видим их, они нас не интересуют. Если же обстоятельства сталкивают нас с другими людьми, и тут нас подстерегает опасность ставить свои интересы на первый план и оценивать другого с этой точки зрения. Семья является самым мощным орудием против эгоизма. Супружеская любовь, любовь родителей к детям делает человека способным к самопожертвованию. Но та же семья может стать источником семейного эгоизма, делающего людей еще более замкнутыми к нуждам других.

Дружба есть иной путь преодоления самости. Она помогает нам увидеть в друге светлый образ Божий, присущий каждому человеку, вводит друга в нашу жизнь, но в то же время она учит нас подлинной свободе. История Церкви дает нам примеры святых друзей: Целителей Косьмы и Дамиана, Кира и Иоанна, Сергия и Вакха. Русская церковь прославляет двоицы Зосимы и Савватия Соловецких, Сергия и Германа Валаамских. Жития святых часто упоминают дружбу, связывавшую подвижников, которые называются "сопостниками", как иконописцы Андрей Рублев и Даниил Черный. Евангелие говорит нам о дружбе в ее самом высоком смысле. Враги Иисуса Христа называли его "другом мытарей и грешников", но Спаситель поистине не только жалел их, но и делал их своими друзьями. В своей прощальной беседе Христос называет апостолов своими друзьями, т.к. "Он поведал им все то, что Он слышал от Отца". (Иоанн. XV. 9—15). С апостолом Иоанном его связывала особая дружба. Будущий автор Апокалип-

сиса неизменно упоминается в Священном Писании как тот, которого ''любляше Господь''.

Разнообразны пути спасения, но все они ведут к единой цели — восстановлению нашего единства во Христе и преодолению греха и отчуждения друг от друга. Дружба есть дар на этом пути.

Глава 5

ЗАГАДКА СМЕРТИ

Что ожидает нас за порогом смерти — зияющая бездна небытия, лишь временный отрыв от земли, на которую мы вернемся в следующем воплощении, или же новая жизнь — блаженство праведников и муки грешников? Этот вопрос всегда глубоко затрагивал меня, и я неоднократно старался узнать, что думают о нем мои друзья и знакомые. В их ответах была большая разница. Одни из них были уверены в том, что их ожидает в будущем, другие же наоборот считали, что все попытки разрешить загадку смерти бесполезны.

Является ли такое различие результатом некоторых жизненных ощущений или оно рождается из других источников? Несомненно, многие наши представления о смерти вытекают из переживаний нашей земной жизни. Так например, глубокий сон или обморок дают нам ощущение небытия. Состояние полусна с его блаженным чувством бестелесности и невесомости дает основание для взгляда на смерть как на слияние с космосом. Неожиданное впечатление уже знакомого при посещении нового места и

другие непонятные психологические и медиумические явления приводятся в доказательство перевоплощения душ. Внезапная яркая вспышка нашей памяти о лицах и событиях, казалось бы, навсегда забытых нами, подкрепляет веру в то, что ничто пережитое нами не пропадает и смерть откроет нам подлинное понимание нашей личности и смысла событий нашей жизни.

Все эти психические явления известны в разной степени большинству людей, но ни одно из них не имеет окончательной убедительности. Мои беседы на эти темы привели меня к заключению, что решающее значение в нашем подходе к смерти играет наше религиозное мировоззрение. Поэтому все рассуждения о смерти в конечном итоге неизбежно приводят нас к спорам о вере, которые часто бывают бесплодны. Они приобретают смысл, только если мы подходим к ним в духе сравнительного изучения религий и стараемся действительно понять мироощущение нашего собеседника. Подобное отношение способствует более ясному пониманию и наших собственных верований и расширяет наш духовный горизонт. Разговаривая с друзьями о смерти, я не пытался опровергать их взгляды, но все же делился с ними моими недоумениями.

Атеисты всегда настаивают на том, что смерть приносит окончательное уничтожение человека. Отрицая Бога, они неизбежно видят в человеке случайный эпизод в эволюции материи. Подобное мнение кажется мне упрощенным, неубедительным и вызывает у меня ряд вопросов. Человек есть сложный организм одушевленной материи, на котором лежит неизгладимая печать нашего духа. Физиологические, психические и духовные явления в нем неразрывно переплетены друг с другом, и в то же время каждое из

них подчиняется своим законам развития. Смерть разрывает это единство. Мы знаем, что материя наших тел не уничтожается смертью, а переходит в другие сочетания. На каком основании мы можем быть так уверены, что бесследно исчезает душевная и духовная сторона нашей личности. Подобное утверждение голословно и не опирается ни на какие научные данные. Оно может импонировать только представителям вульгарного или наивного материализма, для которых вся сложнейшая и богатейшая духовно-умственная жизнь человека с его острым самосознанием, поразительной познавательной способностью и творческими порывами представляется лишь функцией нашего мозга, неким флюидом, вытекающим из него.

Если с точки зрения биологии возможность или невозможность сохранения нашей личности после физического разложения нашего тела остается до сих пор неразрешимой загадкой, то иной интересный материал на эту тему может дать нам антропология. Человек с самого начала своего появления на земле предчувствовал, что его жизнь не оканчивается могилой. Эта упорная вера создавала легенды и мифы, служила основой для развития религиозного культа и изобразительного искусства. Эту веру разделяли и самые примитивные, и наиболее духовно развитые племена и народы.

Современные атеисты отвергают этот многотысячный опыт человечества. Воинствующие безбожники-ленинисты, которым удалось воспитать поколения советских граждан, уверенных в том, что они исчезают после смерти, видят себя освободителями от "иллюзии вечной жизни". По их теории, это освобождение должно было принести небывалый расцвет культуры, повысить работоспособность и привести к созданию идеального социального и экономического

строя. На самом деле, эти ожидания не оправдались. Жизнь нового безбожного человека покрыта серым и скучным налетом. У него пониженный нравственный уровень, узкий эгоизм и бессердечность к окружающим, он жертва растущего страха смерти. Если вера в загробную жизнь — действительно самообман, то освобождение от него не обогатило знание человека о себе, а наоборот, сузило и затемнило его.

В числе моих знакомых не было многих убежденных атеистов, зато было немало агностиков. Занимая неопределенную позицию по отношению к Богу, они также избегали смотреть в лицо смерти. Их позиция напоминала мне тех людей, которые, зная, что их ожидает опасность, закрывают на нее глаза и оказываются неподготовленными к встрече с ней.

Вопрос о том, существует ли вечная жизнь, относится к таким проблемам, как природа любви, происхождение зла и источник творческого вдохновения. Эти вопросы не имеют простого общеубедительного ответа, но те, кто проходит мимо них, лишают себя возможности проникнуть глубже в тайну мироздания. Атеисты и агностики выросли на почве нашей секуляризированной бездуховной цивилизации и потому они оказываются так беспомощны и слепы перед лицом смерти.

Совсем иное отношение к ней я наблюдал у тех, кого привлекал религиозный опыт Востока, в особенности Индии, с ее преобладающим пантеизмом. Мне нередко приходилось вступать в споры с теософами и антропософами. Одна моя хорошая знакомая антропософка готова была часами доказывать мне правоту учения о перевоплощении. Оно привлекает многих, т. к. подсказывает решение одной из труднейших нравственных проблем жизни — вопиющего неравенства среди людей. Эта несправедливость — красота,

ум, богатство одних, уродство, глупость и нищета других — оправдываются деяниями, совершенными в предыдущих существованиях. Перевоплощение дает надежду на лучшее будущее угнетенным и обездоленным. Кажущаяся мудрость подобного объяснения оборачивается, однако, еще худшим неравенством кастовой системы, которая обрекает представителей низших каст на униженное и бесправное положение в наказание за проступки, о которых они не имеют никакого понятия. Теория перевоплощения находится также в противоречии с поразительными открытиями современной генетики.

Наряду со взглядом на смерть, видящим в ней только временный отрыв от земли, существует и другое представление о ней, как освобождении человека от его обособленной индивидуальности и погружении в безмерный океан бессознательной космической жизни. Эти два подхода к смерти могут показаться сначала противоположными друг другу, но в действительности они вытекают из одного и того же источника — пантеизма, для которого божественное и тварное сливаются в единое целое.

Стараясь понять сторонников двух вышеупомянутых учений о смерти, я пришел к заключению, что нас, христиан, разделяет от них основное несогласие в понимании мироздания. Для восточных мистиков мир движется подобно колесу, и все, что случается, может повторяться бесчисленное число раз. Каждый из нас появляется на земле, исчезает и снова возвращается на нее. В этом круговом движении одна земная жизнь переходит в другую, вспышки сознания и его угасания чередуются друг с другом. Этот процесс находит свое завершение в нирване, в этом божественном *ничто*. Но тварный мир не кончается этим. Он опять выливается из недр Божества, чтобы

снова и снова повторять уже пройденные круги.

Этому по существу глубоко пессимистическому мировоззрению, для которого вселенная не имеет ни начала, ни конца и никакой цели, противостоит Богооткровение Священного Писания. Библия говорит нам, что мир создан из ничего и подобен стреле, выпущенной рукой Всемогущего Творца. И летит он к предназначенной ему цели. Время невозвратимо, ни одно событие не повторимо, человек рождается и умирает только один раз. Эволюция жизни на земле и история человечества подтверждают библейское толкование мироздания и опровергают идею повторяющихся циклов. Человеческая личность является вершиной творения, и невозможно представить, что она уничтожима.

Меня всегда интересовало, почему люди, воспитанные в христианстве, находили удовлетворение своих религиозных исканий в теософии, индуизме или буддизме. Нередко они объясняли это тем, что христианское духовенство неспособно удовлетворить их духовные запросы. Конечно, людей, умеющих понять и помочь другим, найти нелегко, но все же я пришел к заключению, что иные основные причины уводят этих людей из Церкви. Человек в глубине своего сердца — бунтарь против Бога. Он боится встречи со своим Творцом, а самый страшный Бог — христианский, т. к. он Бог любви, а любовь требовательна и проницательна, от нее ничего скрыть невозможно. Бог же пантеистов не вмешивается в судьбы мира, он ничего не дает и ничего не требует.

Люди, ищущие ответа на свои запросы в нехристианском мистицизме, как правило, хорошо разбираются в религиозных вопросах, но этого нельзя сказать о моих знакомых христианах, не верующих в Боговоплощение. Иисус Христос для них — величай-

ший из всех пророков. Они хотели бы следовать его учению и все их мировоззрение окрашено в Евангельские тона, но им трудно поверить, что Иисус Христос был не только подлинным человеком, но и истинным Богом, что Он воскрес из мертвых и что мы все предстанем перед Его судом. Эта группа моих друзей не обладает отчетливостью в своем богословии. К ней принадлежат люди разных умонастроений: одни из них чувствуют свою связь с Церковью, другие равнодушны и даже враждебны к ней. Их отношение к смерти тоже имеет много различных оттенков, но некоторые общие черты объединяют большинство из них. Смерть в их глазах — тяжелое, но неизбежное испытание, она связана с физическими страданиями, с разлукой с близкими, но они верят в бессмертие души и представляют будущую жизнь как духовное светлое состояние, свободное от тревог и скорбей земной жизни. У многих из них есть стремление преуменьшать власть греха и его разрушительные последствия. Они отрицают возможность ада, т. к. вечные муки несовместимы для них с божественной любовью. Подобный взгляд на смерть и на будущую жизнь может казаться христианским, но в действительности он существенно отличается от учения Церкви.

Церковь вводит совершенно новое измерение в наше представление о смерти. Им является Воскресение. Церковь признает, что смерть есть катастрофа. Она вызвана грехом и есть нарушение божественного плана о человеке. Православная Церковь в чине погребения в следующих незабываемых образах переживает трагедию смерти: ''Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду во гробе лежащую по образу Божию созданную нашу красоту, безобразну, бесславну, не имущую вида. О чудесе!

что сие еже от нас бысть таинство, како предахомся тлению, како сопрядохомся смерти: воистину Бога повелением". (Глас 8). Но страшное царство смерти пришло к концу. Сын Божий Иисус Христос сам прошел через узкие врата смерти, и с тех пор каждый верующий христианин уже умирает не один, а вместе со Христом и с Ним же он воскресает в жизнь вечную. "Где твое смерти жало, где твоя аде победа? Воскресе Христос и жизнь жительствует!" — в таких ликующих словах Иоанн Златоуст в слове, читаемом на Пасхальной Заутрене, делает дерзновенный вызов казалось бы всесильной смерти.

Православное отношение к смерти антиномично. Церковь говорит о ней языком, полным кажущихся противоречий. Смерть есть поражение и победа. Она освобождает от преходящей земной жизни, столь дорогой и близкой нам несмотря на все ее бедствия и страдания, но она — и дверь, ведущая в новое бытие, загадочное и непонятное нам. О нем чин погребения говорит как о "вечном блаженстве" в свете "пламенной любви Божией" и "радости нескончаемой". Мы молимся о "мире" и "упокоении представшихся", но в то же время Церковь призывает нас обращаться к усопшим, прося их молитв, веря, что святые продолжают участвовать в жизни мира. Нагим и одиноким встречает человек свою смерть, но молитвы любящих могут окружить его теплом и светом. Верующий, умирая, предает себя в руки милосердного Бога, но ему предстоят испытания некоего пути, на котором ему сопутствует его Ангел Хранитель, ограждающий его от "духов злобы преисподней". Смерть есть суд для каждого из нас, ибо каждый несет всю ответственность за свои мысли, слова и поступки, но всем нам надо предстать и перед общим судилищем Второго Пришествия. Страшен и грозен будет этот суд, но

Судья его — Спаситель мира, вочеловечившийся ради любви к нам. Даже те, кто идет в ад, встретят там Иисуса Христа, умершего и воскресшего для их спасения. Никто не спасается один, все мы ответственны друг за друга. Таинственны слова послания к Евреям о праведниках, не получающих обетованной награды в ожидании нас, оставшихся на земле "да не без нас достигли совершенства" (Евр. XI 38—40). Церковь молится о спасении всего человечества, уповая, что милость Божия преодолеет силу греха, не упразднив божественный дар свободы твари.

Я не пишу православного катехизиса, но лишь свидетельствую о том, как звучит во мне церковное учение о смерти. Мое отношение к ней всецело основано на моей вере, что Церковь есть верная хранительница Божественного Откровения. Она знает несравненно больше о жизни и смерти, чем это доступно мне. Но христианство, однако, не требует от нас слепой веры, и, размышляя о смерти, я прихожу к заключению, что православный подход к ней более убедителен, чем все другие. Сама парадоксальность церковного языка внушает мне доверие. Церковь всегда воздерживалась от попыток описать вневременную загробную жизнь. Эта непостижимая для нас сейчас жизнь должна иметь другие измерения, и все сказанное о ней не может не быть антиномичным для нашего земного разума.

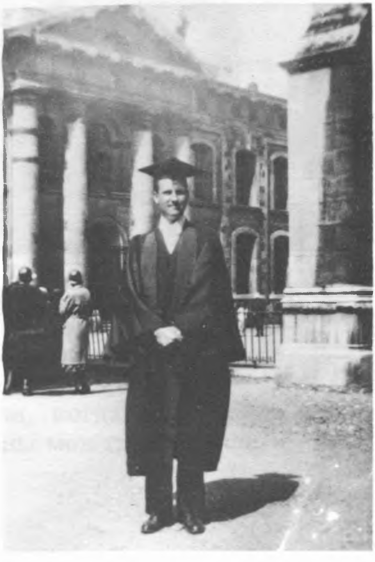
Из всего учения Церкви о смерти мне всего дороже то, что Триединый Творец Вселенной создал нас для жизни, а не для смерти, что драгоценные дары самосознания, любви и свободы не будут отняты от нас, и что Иисус Христос как в жизни временной, так и в вечной остается для нас Спасителем, Судьей и Другом.

ЧАСТЬ IV

ИТОГИ ПЕРЕЖИТОГО

Н. Зернов — гимназист (1910)

Н. Зернов — доктор философии (1932)

Н. и М. Зерновы, дома, за месяц до последней болезни

Глава 1

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ

В октябре 1978 года мне исполнилось 80 лет. Я никогда не предполагал, что доживу до этого преклонного возраста, и мне до сих пор не верится, что я уже "глубокий старик". Жизнь в ее многогранных проявлениях все так же захватывает меня, голова полна мыслей, воля все так же упорно ищет исполнения творческих заданий, мои отношения с людьми приобрели новую глубину, и круг моих друзей продолжает расти. Вместе с тем с каждым днем я чувствую, как убывают мои физические силы, и ясно мне — вечерний свет озарил нашу с женой моей Милицей жизнь, делая ее все более хрупкой и все более драгоценной.

Милица окончила свою медицинскую работу в Лондоне еще в 1960 году и с тех пор стала всецело разделять со мной мою экуменическую и церковно-общественную деятельность. Осенью 1966 года я тоже вышел на пенсию. Окончились 19 лет моего преподавания в университете Оксфорда — самый творческий период моей жизни, когда оформилось мое мировоззрение, были изданы мои главные книги

и мы совершили наши путешествия в Индию, Америку, Австралию и на Тихоокеанские острова.

Мы решили остаться жить в Оксфорде, любимом нами городе, полном очарования, где мы продолжали пользоваться дарами этого мирового центра культуры и знания. В нашем распоряжении были лекции знаменитых ученых, театры, концерты и всевозможные выставки. Нам удалось найти и купить просторную квартиру* в доме на тихой улице, совсем близко от

---

* Всю нашу жизнь мы с Милицей ютились в чужих квартирах, если не считать университетской, только "выйдя в отставку", мы могли создать свой собственный "дом". Квартира наша находится на первом этаже, так что из окон широко видно небо и окружающие сады. В обширном моем кабинете уместилась большая часть моей библиотеки, хотя книги заполняют и все другие комнаты. Самая ценная ее часть состоит из собрания богословских и религиозно-философских творений русской эмиграции. Большое место в ней уделено также все растущей литературе о Православии на английском языке. Среди журналов имеется у меня: "Путь", редактировавшийся Н. А. Бердяевым, "Новый Град" — Г. П. Федотовым, "Вестник" Русского Студенческого Христианского Движения, который я первым начал редактировать в 1926 году, и полный комплект "Соборности", журнала Содружества Св. Албания и Преп. Сергия, с 1927 года. "Новый Журнал" Нью-Йорка и "Грани", выходящие в Германии, дополняют журнальный отдел моей библиотеки. В нашей спальне с семейными иконами и портретами нас будит утреннее солнце. В гостиной, украшенной картинами Сергиевской Лавры и старинной Москвы, широкое окно заливается вечерним солнцем. Есть у нас и комната для гостей. Английское понятие "дома — неприкосновенной крепости", охраняемой законом, дает нам чувство свободы и независимости. В нашем доме живет Россия.

В книге "За Рубежом" мы описываем нашу маленькую квартирку в Париже. Она была совсем другая. Мы нашли ее случайно под конец нашей жизни во Франции. Она была на верхнем этаже высокого дома и с ее узкого длинного балкона был упоительный вид на Париж с Эйфелевой башней, Сакре Кер, куполом Пантеона и дворцом Инвалидов. Мы с большим увлечением устраивали этот наш первый "дом", покрасили комнаты в яркие цвета и купили мебель на "блошином рынке". Все в нем было фантастично, почти нереально. Это был какой-

нашей православной церкви и дома Св. Григория и Св. Макрины и недалеко от центра города. Все дома этого квартала окружены садами и у нас тоже небольшой садик, в котором мы учимся садоводству, наслаждаемся розами и редким оксфордским солнцем. В пятнадцати минутах ходьбы от нас раскинулся университетский парк с протекающей в нем рекой.

Двери нашей квартиры всегда открыты для наших многочисленных друзей и всех тех, кто хочет с нами познакомиться или получить от нас помощь в областях наших специальностей и нашего опыта (Милицы — по иконописанию, моего — по истории русской Церкви и русской философско-богословской мысли, литературы и всевозможным духовным и церковным вопросам). У нас постоянно бывает много молодежи. Оксфорд всегда полон интересными людьми. Каждый год в него вливается новое поколение наиболее даровитых английских студентов и множество иностранцев. Круг наших друзей и знакомых включает членов небольшой русской колонии, старых и новых эмигрантов. Мы сохраняем наши связи с академическими кругами Англии и представителями различных христианских вероисповеданий. Иногда у нас неожиданно появляются гости из разных частей света, с которыми мы познакомились во время наших путешествий.

Сначала после выхода на пенсию наша жизнь продолжала идти прежним напряженным темпом. Американские университеты поручали мне вести семинары со студентами, присылаемыми в Оксфорд из Америки; меня часто приглашали читать лекции

то летящий в воздухе игрушечный фонарик, скорее мечта о жизни. И действительно, мы недолго пожили в нем, как перелетные птицы, и вскоре уехали в Англию.

как в Оксфорде, так и в других местах Англии. Мы ездили в Лондон, большей частью ради Пушкинского клуба. Я продолжаю быть его председателем и мы стараемся не пропускать его докладов, касающихся всех сторон русской жизни, за исключением политики. Я остаюсь руководителем нашего экуменического центра Св. Григория и Св. Макрины. В двух домах его живет 24 студента и студентки, и хотя в последние пять лет был создан пост заведующего общежитием, нам с женой постоянно приходится принимать ответственное участие в работе этого центра. Мы стараемся близко познакомиться с меняющимся составом живущих в общежитии, и многие из студентов становятся нашими друзьями. Много сил нам стоили сборы на перестройку и постоянные улучшения в обоих домах, а также на постройку нашей церкви. Участие в ее богослужениях, совершаемых с большой любовью и благоговением, является для нас основой нашей жизни и большой отрадой. Православная же община с ее задачами и проблемами занимает немало нашего времени и сердца.

За последние семь лет моя деятельность стала постепенно сокращаться. Давно начавшаяся грудная жаба все настойчивее стала вмешиваться в распорядок моей жизни, заставляя отказываться от поездок и собраний, привлекавших меня. Мы с женой вступили в новую полосу жизни. Кончилась долгая борьба за существование (наши обе пенсии обеспечивают нас). Мы не ставим себе новых задач и перестали странствовать по миру. Мы обрели полное духовное единство и согласие и до конца разделяем друг с другом все наши радости и горести. Нам ниспослан глубокий внутренний мир и мы благодарим Бога за каждый дарованный нам день жизни. Поистине для нас наступила золотая осень.

Эти годы были отмечены несколькими юбилеями. В августе 1977 года на своем годовом съезде Содружество Св. Албания и Преп. Сергия торжественно отметило пятидесятилетие своего существования. На нем я был единственный участник первого съезда Содружества, собравшегося в 1927 году в городе Св. Албания.

1/14 октября того же года Милица и я отпраздновали в Оксфорде юбилей нашей золотой свадьбы. На это торжество приехал из Швейцарии брат Владимир. Праздновали также и в Лондоне в доме Содружества. 9/22 октября 1978 года Милица прекрасно организовала празднование моего восьмидесятилетия с приемом в доме Св. Григория в Оксфорде. Зал, красиво украшенный цветами нашим другом Джиннер Снодграсс, торт с 80-тью свечами, речи наших двух священников, чтение многочисленных приветствий, включая архиепископа Кентерберийского, архиепископа Афинагора и митрополита Антония, и многочисленный и шумный круг моих русских и английских друзей доставили мне большую радость. Всем особенно запомнилась моя ответная речь о любви. 17/30 августа 1979 года был у нас другой семейный праздник — Милице исполнилось 80 лет. Она получила в этот день много выражений любви и внимания.

Всю мою жизнь я много писал. Сначала это были статьи о русской Церкви и экуменической работе, а с 1937 года, когда вышла моя первая книга по-английски "Москва Третий Рим", я много времени стал отдавать писанию книг, но делал я это, всегда урывая время от другой интенсивной работы, сначала как разъездной лектор по Англии, а с 1947 как преподаватель в Оксфордском университете. Последние семь лет моей жизни были отмечены сокращением

моей литературной деятельности, в особенности после частичной утраты зрения. Несмотря на это мне удалось в сотрудничестве с моей женой осуществить ряд новых изданий. В конце 60-х годов достиг Парижа перевод, сделанный самиздатом, моей английской книги "Русское Религиозное Возрождение XX века" с просьбой его напечатать. Мне было поручено подготовить его к изданию, что оказалось далеко не легкой работой. Этот перевод, очевидно сделанный разными лицами, был далеко не однороден. К. Л. Зиновьев взял на себя хлопотливую задачу проверки всех цитат. В 1974 году книга вышла в Париже в издании ИМКА-Пресс, а в 1978 году ее итальянский перевод появился в Милане в издательстве "Матренин Двор". В том же году в Лондоне издательство SPCK выпустило 4-е дополненное издание моей книги "The Russians & Their Church". Удалось мне также напечатать краткий очерк истории Русского Студенческого Христианского Движения. Профессор Н. П. Полторацкий включил его в свой сборник "Русская религиозно-философская мысль XX века", изданный в Питсбурге в 1975 году. Этот очерк является первой попыткой описать Движение, сыгравшее столь большую роль в русском религиозном возрождении. В 1979 году была напечатана под моей и моей жены редакцией история Англо-Православного Содружества имени Св. Албания и Преп. Сергия Радонежского. Таким образом я положил начало для дальнейшего изучения двух значительных движений, которым мы с Милицей отдали большую часть нашей жизни.

Так шла наша жизнь в эти мирные годы в Оксфорде. Однако мы не могли забывать, что этот оазис тишины и творческой жизни окружен миром жестокой борьбы и непомерных страданий. Гонка воору-

жений, непрерывно растущее число стран, подпадающих под власть тоталитарного коммунизма с его насилием и обманом, моральный упадок западных демократий — все это указывает на хрупкость нашего мирного жития и возможность катастроф. Мы часто сознаем трагичность состояния мира и нашей родины, и только в Церкви мы находим источник того света и добра, которые никогда не могут победить темные силы разрушения и зла.

Глава 2

ТРИ ПРОЩАНИЯ

Последние годы нашей интересной и занятой жизни в Оксфорде были отмечены тремя поездками заграницу, которые дали нам возможность проститься с разными сторонами нашей жизни.

Прощание с Америкой

В Америке я был пять раз. Меня приглашали в различные университеты для преподавания и чтения лекций на экуменические темы. Каждый день, проведенный в "Новом Свете", был для меня праздником. Мне не надо было ни о чем заботиться, будучи профессором-гостем, я не нес ответственности за администрацию университета, ни с кем не боролся за свои права, что так сильно в Америке, и мог всецело отдаваться любимой работе со студентами, живо интересующимися моим предметом. Я всюду пользовался гостеприимством и легко находил друзей.

Меня постоянно приглашали для лекций другие университеты, и мне удалось побывать во всех концах этой огромной страны.

Милица три раза сопровождала меня, получая отпуск в своем госпитале. Она, как всегда, принимала большое участие в моей деятельности, особенно помогая мне в моих семинарах. Она часто удивляла студентов своим творческим подходом к богословским вопросам и к церковной жизни. Нас обоих часто поражало отсутствие интереса большинства жен профессоров к темам академической работы своих мужей. На званых вечерах они всегда собирались отдельной группкой и беседовали на домашние темы. Милица была среди них ярким исключением.

Я оценил Америку, ее масштабы, дух свободы и предприимчивости, столь характерный для нее. Только в Америке я не чувствовал себя иностранцем, как в Европе, мой акцент не привлекал внимания. Произношение самих американцев так различно, что они часто с трудом понимают друг друга. Я конечно сознаю многие темные стороны американской жизни, видел трущобы Нью-Йорка, грязные и заброшенные улицы, населенные неграми, и безжалостное уничтожение природы. Но несмотря на это Америка покорила меня, я полюбил и ее людей, и ее природу, но особое место в моем сердце было отдано Аризоне.

Я несколько раз побывал в этом фантастическом штате, видал его пустыни с их причудливыми кактусами, его красные горы и величественный Большой Каньон. Мне было также дано прикоснуться к своеобразной жизни индейцев, присутствовать на их религиозных празднествах. Аризона обворожила меня своей поразительной красотой. Путешествуя по ней, я попадал часто в места, которые, казалось, принадлежали не нашей земле, а какой-то другой планете,

и потому так трудно было отрываться от этого мира.

Совершенно неожиданно для нас мы получили осенью 1976 года приглашение от наших друзей Дансон прочесть курс лекций в Седоне. Местный епископальный приход оплатил наш проезд. В конце октября сырым и холодным утром мы покинули Оксфорд. Вечером того же бесконечного дня мы были в Финиксе — столице Аризоны, дышали сухим, горячим воздухом пустыни, окруженные пальмами и тропическими цветами. Солнце заходило, а на наших оксфордских часах было уже 2 часа ночи. На другой день друзья отвезли нас в свою Седону, маленький городок, расположенный у подножия гор. Мы полюбили гостеприимный дом Джессики и Неда, стоящий на берегу горного потока и окруженный большим садом. Но стоило нам отойти от их мирного дома и взобраться на небольшой холм, покрытый соснами, как мы попадали в иной мир. Холм круто спускался в широкую долину, а за ней высилась гряда отвесных изрезанных скал всех оттенков красных и оранжевых цветов.

Сначала мы провели несколько райских дней в общении с нашими друзьями и чтении и отдыхе, а потом полетели занятые дни. Мы оба читали лекции*,

---

* Две наши лекции были особенно удачны: моя о Солженицыне и Милицы об иконах Божией Матери. На Солженицынскую собралось так много народа, что переполнились все проходы большой церкви, где происходили наши лекции. Приехали слушатели из всех трех университетов Аризоны, находящихся в сотнях миль от Седоны. Это было время, когда президент Форд ''не нашел времени'' принять Солженицына, что вызвало оживленные споры среди американцев.

Милица читала свою вторую лекцию, по мысли Джессики, в необычайном месте — в часовне, построенной среди пустынных красных скал одной миллионершей в память своей матери. Был лунный прозрачный вечер. В темной церкви были видны

встречали новых знакомых, отправлялись на экскурсии. Наступил последний вечер. Мы поднялись на наш любимый холм. Солнце, огромное, красное, закатывалось. Долина была уже во мгле, но скалы пламенели во всей своей неземной красоте. Мы стояли молча, завороженные этим феерическим зрелищем. Черная тень появилась у подножья скал, она стала медленно ползти кверху. Скалы начали менять свои цвета, приобретая фиолетовые и лиловые оттенки. Вскоре лишь одни вершины отражали закатные лучи. Но вот и они погасли, и все погрузилось в темноту. Мы простились с Аризоной, зная, что никогда больше не увидим этих сверкающих гор.

Нью-Йорк

На обратном пути мы остановились на несколько дней у наших других друзей: Жорж и Анн Малук в Нью-Йорке. Как и раньше, этот необычайный город пленил меня своей фантастикой. Его стройные небоскребы, подымаясь ввысь, подобно готическим соборам, преодолевают тяжесть материи, но не ведут

только слабо мерцающие свечи и сменяющие друг друга на экране репродукции икон, а за ними огромное заалтарное окно с простым крестом, уходящее в звездное небо. Ликующие краски икон необычайно сочетались с фантастикой ночных красных скал и южного неба. Последней была икона Божией Матери Одигитрия. Милица кончила свою лекцию словами: "Божия Матерь указывает нам путь ко Христу, как бы говоря: "Делайте то, что Он вам завещал", и неожиданно предложила кончить вечер общей молитвой Господней — "Отче наш". Это объединило всех, и мы разошлись, взволнованные духовной красотой вечера.

к Богу. Они прославляют не Творца вселенной, а человеческое дерзновение. По ночам они подобно гигантским кристаллам озаряются изнутри тысячами светящихся окон. Нью-Йорк захватывает и пугает одновременно. В нем есть сочетание технических достижений и хрупкости дел человеческих. Он — символ XX века со всеми его победами и опасностями срывов.

Прощание с Францией и русским Парижем

Весной 1977 года меня пригласило Русское Студенческое Христианское Движение прочесть доклад на съезде в Монжероне. Собрание было многолюдное, на лекциях перебывало около 300 человек. Мы с Милицей были единственными участниками первого съезда Движения в Пшерове в 1923 году. Наши мысли и чувства невольно переносили нас в далекое прошлое, и неизбежно возникало сравнение этих двух конференций. В Пшерове произошла встреча студенческой молодежи, прошедшей через горнило красного террора и гражданской войны, со старшими представителями русской религиозной мысли. Эта встреча, закончившаяся их творческим сотрудничеством, сделала возможным расцвет православной культуры в эмиграции. Пшеровцы вдохновлялись надеждой принять участие в оцерковлении жизни на родине. Они верили, что Церковь, очищенная огнем гонений, раскроет всем истину и красоту Православия. Они не знали, что никто из них "не вернется назад". Они также не догадывались о предстоящей им миссии на Западе.

Пшеровцы нашли свое единство в Евхаристии. В последний день съезда все приобщались из единой Чаши. Это было таким духовным событием, что все запели: ''Христос Воскресе''. Церковность сделала Движение динамичной и долговечной организацией, пережившей войну и немецкую оккупацию Франции.

В Монжероне Евхаристия была тоже в центре съезда. Мощный хор молодежи под управлением 20-летней регентши пел по-славянски с подлинным пониманием смысла богослужения. Все причащались. Съезд этот собрал пять поколений русской эмиграции во Франции. Кроме русских, в нем участвовали православные немцы, англичане, греки, сербы и румыны. Доклады, обсуждения и частные беседы велись на двух языках — французском и русском. Съезд не забывал о России, но его внимание было сосредоточено на судьбах Православия на Западе, где оно пустило глубокие корни. Мы покинули Монжерон с чувством, что Движение находится на верном пути и что молодое поколение талантливой русско-французской молодежи взяло на себя ответственность за осуществление той православной миссии, семена которой были посеяны в Пшерове в 1923 году. Поездка в Монжерон была для нас прощанием не только с Движением, но и с русским Парижем.

Целые полстолетия наша зерновская семья жила на улице Вожирар около Порт де Версай. Незадолго до съезда в Монжероне мой брат закончил свою врачебную деятельность в Париже и переехал с женой в Швейцарию. Четыре могилы с восьмиконечными крестами на маленьком кладбище в Медоне — это было все, что осталось от нашей семьи во Франции. А она когда-то занимала значительное место в трудной

и сложной жизни русского Парижа. Мой отец был популярным врачом и неутомимым общественным деятелем, председателем Московского Землячества. Брат Владимир успешно продолжал медицинскую работу отца. Сестра София стояла во главе общества помощи безработным и основала приют для сирот и покинутых русских детей. Наша скромная квартира была всегда полна русскими людьми: пациентами, стипендиатами Землячества, движенцами, друзьями и знакомыми двух поколений нашей семьи. Мы жили в пятнадцатом, одном из наиболее обрусевших районов Парижа. В нем было пять русских приходов, на нашей и соседней улицах почти не было домов без русских квартир. Нельзя было выйти из дома, не встретив русских, или не услышать русскую речь в метро или автобусе. В киосках продавались газеты "Последние Новости", "Возрождение" и "Иллюстрированная Россия". Если чего-нибудь не хватало по хозяйству, кто-нибудь посылался к "Грузину". Его лавчонка, тесная и грязноватая, была всегда полна русскими покупателями. Кроме фруктов и овощей словоохотливый хозяин продавал черный хлеб, консервы, сыр, колбасу и дешевое вино — все что было нужно для неприхотливого хозяйства многих одиноких русских беженцев. А чуть подальше торговала Верочка. Ее лавочка даже не имела вывески, но через окно можно было видеть горки пирожков и других изделий русской кухни, а перед Пасхой выставлялись куличи и белые пирамиды пасх.

И все это исчезло. Русский Париж рассеялся как дым. Улицы и дома остались все те же, но большая волна русских беженцев, нахлынувшая в Париж в 20-х годах, исчезла. Для моей жены Париж значил

еще больше, чем для меня. Она приехала в "столицу мира" на пять лет раньше меня одна и провела геройские годы учения на медицинском факультете. Ей удалось выписать во Францию своих родителей из Константинополя, куда они выбрались из Советской Грузии. Ее сестра поселилась тоже в Париже с мужем и детьми. Она, ее дети и внуки продолжают жить во Франции.

Уезжая из Франции, мы также прощались с ее блестящей столицей, были в Соборе Божией Матери — подлинном сердце Парижа. Его темные своды и огненные — красные, синие и фиолетовые — окна символизируют контрасты этого великого города. Из собора, по узким, столь знакомым нам извилистым улочкам Латинского квартала, мы поднялись к нашей любимой церкви "Святого Этьена на горе". Там возле гробницы Св. Женевьевы всегда горит множество свечей, говорящих о любви парижан к своей небесной покровительнице. В двух шагах от этой церкви, на улице Туэн, в 1925 году мы с сестрой сняли крохотную двухкомнатную квартирку. Именно там мы встретились с Парижем маленьких кафе и уличных базаров с массой чудесных свежих фруктов и разнообразных овощей, сыров и других съестных продуктов. Все это продавалось легко и быстро, со смехом и прибаутками, как бы в какой-то игре.

Много счастливых и вдохновительных дней мы провели в этом единственном городе. Здесь прошла наша молодость, здесь мы венчались, здесь похоронили наших родителей. Сколько разных изгнанников видели улицы Парижа. Они приходили и уходили, а жизнь города, равнодушная к их судьбе, продолжает мчаться к своему неизвестному будущему.

Прощание с Средиземным морем

Мы встретились с Средиземным морем в 1928 году, в первый год нашей брачной жизни, когда мы провели летний отдых в маленьком местечке Лаванду, тогда еще не знавшем туристов. Следующим летом мы открыли Корсику и были сразу покорены ее своеобразной красотой. На Корсике мы были несколько раз, изъездили и исходили ее горы, леса и причудливые заливы. Постепенно мы побывали на всех средиземноморских берегах Италии, Сицилии и Сардинии, Испании, Греции, Ливана и Алжира. Эти страны — колыбель европейской культуры, в них выросло классическое искусство, в них родилось и окрепло христианство, здесь человек чувствует себя дома. Природа принимает его как любящая мать и приносит ему свои священные дары: пшеничный колос, виноградную лозу и маслину — хлеб, вино и елей.

В октябре 1978 года мы снова очутились на Корсике. На этот раз мы выбрали Порто-Поло, маленькое заброшенное местечко на краю полуострова. Наш выбор был удачен, мы оказались вне большого туризма с переполненными пляжами и дорогами с ревущими мотоциклами и мчащимися машинами. В Порто-Поло мы могли, не встретив никого, совершать длинные прогулки вдоль извилистых берегов, круто спускающихся к морю. Мы также, к большой нашей радости, нашли пустынный пляж, куда мы добирались, перелезая через колючую проволоку, там не было почти никого. На этом пляже мы и простились с нашим любимым темно-синим морем. Был вечер, наш последний вечер на Корсике, один из тех, когда и небо, и море, и горы образуют симфонию синих

и голубых красок. Мы были одни на всем пляже, ветер утих, не было и прибоя, море лишь слегка шелестело на желтом песке. Время остановилось. Тонкая острая грусть наполнила наши сердца, грусть о том, что едва ли нам придется еще раз быть на берегу этого чудесного моря, грусть о том, что красота так мимолетна, что ее нельзя ничем удержать. Мы взяли друг друга за руки и молча в глубине сердца благодарили Бога за то, что Он дал нам пить из чаши его царственной красоты.

Еще одна страница нашей жизни перевернулась навсегда.

Глава 3

ТРИ СТУКА

Днем наша квартира никогда не запиралась, и наши друзья часто приходили к нам без звонка. В эти мирные годы раздались три стука в нашу дверь.

6 сентября 1974 года я торопился вернуться домой, где меня ждал незнакомый посетитель. Вскочив в готовый к отходу автобус, я внезапно потерял сознание, а когда очнулся, то увидал себя окруженным людьми в белых халатах. Я сразу понял, что нахожусь в госпитале, и вместе с тем как-то внутренне четко осознал, что мое возвращение к сознанию могло бы быть уже в другом мире. Оказалось, что я своей жизнью был обязан полицейскому, который, видя, что вызванная скорая помощь задерживается, а я не прихожу в себя, освободил весь двухэтажный оксфордский красный автобус от его многочисленных пассажиров и велел водителю, с тревожными гудками минуя красные огни, везти меня в ближайший госпиталь. Я провел три дня в общей палате. Это была моя первая встреча с больничным миром, не считая той, что была в совсем других условиях, в тропиках Тихого океана. На меня произвели глубокое впечатление

сестры милосердия, с такой ласковой теплотой относившиеся к больным, так весело и самоотверженно проделывающие самые неприятные операции. Меня посетили наши священники и англиканский епископ Оксфорда Kenneth Woolcomb, который возложил на мою голову свою руку, совершая молитву, и я ощутил всем моим существом силу и реальность этого благословения.

Вторым этапом моего физического оскудения была потеря центрального зрения. Это случилось на православном съезде в Эффингаме в мае 1975 года. Утром перед литургией я хотел прочесть молитвы к причастию и увидел, что все буквы сливаются в одну черную линию. В этот момент я перешагнул через трудный порог. Книги и мои собственные писания выпали из моих рук. Началась для меня новая страница жизни. Эта частичная утрата зрения не была для меня неожиданностью, я был подготовлен к ней. Заметив незадолго до этого, что я хуже вижу, я обратился к окулистам, которые нашли особую болезнь, поражающую нервы сетчатой оболочки. Был испробован новый метод лечения лазерными лучами, но он не помог. Однако врачи обнадежили меня, что я не ослепну совсем. Этот прогноз до сих пор подтвердился, прошло уже шесть лет, я могу самостоятельно ходить по улицам и остаюсь во всем независим, кроме чтения и писания.

Зрение всегда было для меня особенно важным способом восприятия. Лица людей, красота и краски природы, живопись — всегда притягивали и вдохновляли меня, давали неисчерпаемый источник мыслей и переживаний. Я был неутомимым читателем; писание статей, книг, писем и дневника были моим постоянным занятием. Все это было разом отнято у меня. Но как это ни странно, я пережил эту потерю не только

не трагично, но даже с благодарностью Богу. Я воспринял ее как необходимую перемену направления всей моей жизни. До тех пор я все время стремился расширить круг моих знаний, побывать в неведомых странах, приобрести новых друзей. Теперь мне стало легче углубиться в себя, передумать пережитое, сосредоточиться на главном. Я продолжал видеть окружающий меня мир, его краски и очертания, но все стало покрыто тонкой пеленой, мешавшей мне воспринимать его с прежней ясностью. Эта полуслепота отразилась также на моих отношениях с людьми. Она связала меня еще теснее с Милицей, ей я стал диктовать мои письма, дневники и все мои писания. Я глядел теперь на мир не только своими ослабевшими, но и ее любящими глазами. Она никогда не устает читать мне вслух, и мы вдвоем переживаем все книги, в особенности те, которые говорят о современной России. Многие друзья тоже предложили помочь мне с чтением. Это дало мне возможность ближе сойтись с рядом замечательных людей. Наконец, благодаря выбору так называемых говорящих книг для слепых, я смог познакомиться с той литературой, которая едва ли раньше попала бы в круг моего чтения, то были биографии, жизнь животных и географические открытия. Одно время мы с Милицей даже стали увлекаться детективными романами, но скоро они нам надоели.

Вначале я думал, что настал конец и моим публичным выступлениям, и решил отказаться от уже назначенных. Первым из них был ответственный доклад на съезде церковных историков на тему: "Церковь русской эмиграции и ее влияние на Западе". Милица убедила меня не сдаваться. Мы провели две недели на берегу моря в Греции, и с ее помощью я приготовил этот часовой доклад. Он прошел настолько хоро-

шо, что мои друзья уверяли меня, что я стал говорить лучше прежнего. С тех пор я овладел новой техникой подготовки к лекциям, без записок, которая улучшила их содержание, заставляя меня тщательно все продумывать, отбрасывая второстепенное и давая докладу непосредственную убедительность.

Третий стук случился летом 1979 года. Это был сердечный припадок. Грудную жабу я унаследовал от отца и деда. Началась она уже очень давно, но развивалась медленно. Милица боролась с этой болезнью со всей силой своей интуиции и любви, ревностно следя за новейшими способами ее лечения, не раз споря с врачами и добиваясь лучших. Этим она сохранила не меньше десяти лет моей жизни.

14 июня я возвращался домой с лекции, отказавшись от предложения Милицы приехать за мной; торопился, так как меня ждали дома некие два "духовные чада". Началась сильная боль в груди, и на этот раз обычные лекарства не помогали. Пересиливая себя, с большим трудом я добрался до дому. Несмотря на мои протесты, Милица вызвала врача. Во время осмотра я потерял сознание, сердце и дыхание остановились, я был на пороге смерти. Но доктор не потерялся и ему удалось вернуть меня к жизни. В госпитале меня поместили в отдел опасных сердечных больных. Это был тяжелый инфаркт.

Отец Василий Осборн сразу приехал с женой в госпиталь, благословил меня и они оба поддержали Милицу. Специалист профессор Слайт сказал Милице, что не ручается, что пациент переживет ночь, и неожиданно прибавил: "Надо молиться"... Милица сообщила обо мне всем друзьям и в дом Св. Григория, и молитва обо мне шла всю ту ночь. Милице позволили остаться в комнате главной сестры, и она сказала мне потом, какая особенная была эта ночь. Она молилась

с поднятыми вверх руками, и ее молитву несло какой-то не ее силой. К утру мне стало легче, и мое выздоровление пошло быстрым ходом. Я был окружен вниманием сестер, которые по утрам синими стайками влетали в палату, сменяя друг друга. Милица могла быть со мною целыми днями. Ее любовь и всесторонняя забота способствовали тому, что уже на десятый день меня выписали из госпиталя. Несмотря на то, что доктора предупредили меня, что мое сердце было ослаблено на 30%, инфаркт парадоксально обновил меня: обострил мою мысль и укрепил мое желание лучше и полнее использовать дарованное мне продление жизни. На больничной кровати я решил писать эти воспоминания и там же составил их план.

Глава 4

ПОСЛЕДНИЕ ИСПЫТАНИЯ

Три болезни

Все врачи, лечившие Николая Михайловича от его сердечной болезни, поражались той необычайной жизненной силе, которая, после сердечного припадка, который должен был бы его унести, снова и снова выносила его к жизни, полной умственной свежести и удвоенных духовных сил. Он знал, что давно жил временем, данным ему как бы "по отсрочке", как особый дар, и потому спешил довершить начатое и воспринимал жизнь все больше и больше как священнодействие. Оттого каждого приходящего к нему человека, старого друга или незнакомца, тоже воспринимал как дар, оттого душа его все больше светилась особым светом. В последние дни его жизни, вернувшись из госпиталя, он попросил меня прочесть ему главу нашего эпилога, озаглавленную "Три стука", и сказал: "К ней будет пост-скриптум". Этот пост-скриптум пишу теперь я, ибо с ним привелось мне и болеть, и умирать.

Как благословенные "отсрочки" жизни Николая Михайловича, так и его последние три болезни при-

ходили как неожиданные удары, имели характер предназнеченных испытаний и так были нами пережиты. Этим оправдывается описание некоторых подробностей этого опыта. Первый удар настиг нас 6 февраля 1980 года. Это была внезапная, молниеносная инфлюэнция, начавшаяся после урока с тремя американскими студентами. Температура сразу поднялась до 103° и от нее сердце стало быстро сдавать. Казалось — это конец, но врачу удалось помочь больному перенести этот кризис. После него Н. М. поправился не сразу, но 24 февраля он снова уже был в церкви на службе "Торжества Православия". Тогда, в церкви, ударила вторая болезнь — его правая нога отказалась ему служить. Это было серьезное сужение больших сосудов — ему предстояли недели боли в ноге, усиливающейся то ночью, то днем, но никогда не оставлявшей его. Он говорил: "Всю жизнь я прожил без физических страданий. Видно Господь хочет, чтобы я научился жить с болью". И он всеми силами старался продолжать работать. Наконец, по моей просьбе была устроена консультация с специалистом, и один укол в симпатический нерв принес избавление от боли и возможность ходить. Н. М. был снова полон радости, планов и надежд, мог интенсивно работать, видал людей, бывал в церкви и на собраниях. В эти месяцы были предупреждения с сердцем, но они не внушали особой тревоги — это была длинная "отсрочка". В это время была дана нам большая радость свидания с любимым братом его. С ним мы провели две незабываемые недели.

В знаменательный день началась третья болезнь. В день памяти Преподобного Сергия Радонежского 5/18 июля мы были на литургии в нашей церкви. Вскоре Н. М. почувствовал себя нехорошо. Я уложила его на скамье, где мы сидели. Литургия продол-

жалась. Народу было немного в этот день недели. Были все свои, никто не устроил паники, все продолжали молиться. К середине литургии Н.М. пришел в себя, а к причастию встал и причастился Святых Таин. Это был предпоследний раз, что он был в нашей, столь им любимой, церкви, в которой он столько молился. Вернулся в нее он уже в гробу.

Добрались мы домой благополучно, но там начался его второй сердечный припадок (инфаркт), сопровождавшийся в этот раз сильнейшей тахикардией (учащенное сердцебиение), не дававшей ему дышать. Он умирал. Доктор вызвал скорую помощь, и в госпитале с трудом его вернули к жизни. Там же начались для него испытания терпения, веры и приятия воли Божией. Позже он диктовал в дневник, который я продолжала писать в госпитале: "Я понял, почему мне послана эта длинная и мучительная болезнь. Я легкомысленно собирался умереть безболезненно и мгновенно, как мой отец.* Однако, когда я в этот раз умирал, я помолился Богу, чтобы мне не умереть "ради Милицы", и удушье и чувство смерти отлегли и, помнишь, я сказал тебе: "я люблю тебя, мое солнышко". И вот теперь мое тело мучает меня. Значит мне надо еще научиться страдать и терпеть".

В госпитале Н. М. был под надзором профессора Слайта, который и раньше его лечил. Он и его помощники оказали ему много внимания, и разрешили мне быть с Н. М. с раннего утра до позднего вечера, а иногда и ночью. На третий день его пребывания в общей палате начались осложнения, мало понятные

---

* Отец Н. М. умер стоя, а дед тоже у Св. Престола после совершения Божественной Литургии. Н. М-чу тоже, после испытаний, была дарована смерть быстрая и безболезненная.

врачам, кончившиеся высокой температурой, а главное, началась икота, которая не поддавалась никакому лечению. Четыре недели она не оставляла его ни ночью, ни днем, и из обычной, хоть и изнуряющей, но переносимой икоты превратилась в особую болезнь, мучительно нападавшую на него, сотрясая все тело и прерывая дыхание, а по ночам создавая состояние особой оставленности. Мне она казалась каким-то нападением со стороны, как будто Господь попустил кому-то мучить его, и Н. М., как древний Иов, спорил с Богом, вопрошая Его "зачем?", "почему?" Вот цитата из дневника: "ночью икота с особой силой напала на меня, все тело содрогалось и болело, я изнемогал и взмолился сестре: "побудьте со мною", но ночью сестры так заняты".

Вместе с жестокостью испытания этой болезни мы оба были окружены, по Колиному выражению, "океаном любви и молитвы". Наши священники, друзья, прихожане наших приходов, студенты домов Св. Григория и Св. Макрины окружили нас обоих кольцом непрерывной заботы, помощи и моральной поддержки, без которых нам не было бы возможности все выдержать. Но главное в эти дни было то, что вместе с чувством предназначенного испытания не покидало нас обоих чувство Божией помощи. В день памяти батюшки Серафима и Св. Милицы наши священники, о. Каллист и о. Василий, нас обоих приобщили. В день, когда Николая Михайловича должны были соборовать, рано утром было обнаружено, что он без сознания и вся правая сторона его — парализована. Удар? Паралич? Эта угроза была неминуема, — но рука Господня отклонила этот крест, и Н. М. пришел в сознание, и паралич прошел бесследно. Велико было мое благодарение Богу во время соборования.

Марина Феннелл привезла о. Каллиста, и Николай Михайлович настоял, чтобы он соборовал также нас обоих. Когда соборование было закончено, Н. М., по словам о. Каллиста, вдруг широко осенил себя крестным знамением и торжественно, по-английски произнес: "Верую во Единую, Святую, Соборную и Апостольскую Церковь". О. Каллист понял, что это было исповедание самой заветной веры всей жизни Николая Михайловича. О. Каллист уезжал на съезд Содружества. Не зная, увидятся ли они еще в этой жизни, они попросили друг у друга прощения и простились.

Приехал из Лондона к Коле и владыка Антоний и имел с ним очень важный для него разговор. На вопрос, как готовиться к смерти, владыка сказал, что нельзя готовиться к тому, о чем ничего не знаем, но что можно и должно готовиться к вечности, которая уже с нами. В конце беседы владыка сказал: "Ты подымаешься на новую ступень, и будем надеяться, что будет дано тебе поделиться с нами твоим опытом, но, может быть, Ангел Божий возьмет тебя от нас".

В конце четырех недель температура спала, и не оставалось больше никаких неиспробованных госпитальных средств помочь страдальцу; было решено отправить его домой. Мы с радостью на это согласились. Дом наш встретил нас тишиной, красотой и покоем. Вначале даже икота прекратилась, но вскоре она возобновилась с удвоенной силой. Мы решили испробовать средство, уже безрезультатно использованное в госпитале. Дома оно даровало больному глубокий сон на 24 часа, который не прерывался шумом общей палаты. После него икота прекратилась! Это было такое блаженство!!! Николай Михайлович, по его словам, "стал самим собой" и начал быстро поправляться, мог снова есть, строил планы

работы, наслаждался покоем, светился радостью. Это были три счастливых дня!.. Я же знала, как тонка стала ниточка его жизни. Он и сам это знал, говорил: "голова моя светла, да сердце что-то плохует".

Смерть

В воскресенье 24 августа о. Каллист, вернувшись в Оксфорд, должен был приехать приобщить Николая Михайловича, который к этому очень готовился. Утром он встал, сам помылся, оделся в первый раз во все дневное, слушал молитвы... Тут ударил последний сердечный припадок (инфаркт). Доктор надеялся, что полный покой поможет и в этот раз превзойти кризис. Уже в кровати Николай Михайлович исповедался очень сосредоточенно "за всю жизнь" и приобщился с величайшим благоговением и трепетом.

Вскоре после этого он захотел продиктовать мне еще одну главу для Эпилога, но не мог ее кончить, ему становилось хуже. Доктор был вызван дежурный специалист по сердечным болезням, который сначала велел везти больного в госпиталь, но когда услышал его имя, то не только приехал сам, но привез из госпиталя все нужные аппараты. Первыми его словами были: "Я приехал отплатить долг, который я должен вам обоим". Оказалось, что много лет тому назад мы помогли ему и его жене советом. Доктор Ли подробно исследовал Н. М-ча и сделал все, чтобы ему помочь. Мне он сказал: "Вы сами знаете, как ослабело сердце вашего мужа, но никто не может знать, как долго он проживет. Мы должны все организовать, чтобы вы могли завтра за ним ухаживать",

и прибавил: ”Мне хочется еще сказать вам — ваш муж готов к Царствию Божию”. На мой вопрос, почему он это знает, он сказал: ”Достаточно посмотреть на вас обоих”. Профессор, визит которого обычно в госпитале сопровождается толпой внимательных сотрудников и учеников, сам с большой заботой устроил кровать больного и прислал ночную сестру.

После этого Николай Михайлович больше не говорил, а спал все спокойнее и тише. Вечером сестра послала меня спать, но перед часом ночи она позвала меня, так как дыхание больного вдруг стало замедляться и сердце остановилось. Вид у него был такой счастливый и спокойный, что я бы не поняла, что это — конец, если бы сестра не сказала мне, что он умер.

В госпитале Н. М. часто говорил мне: ”Хорошо было бы умереть вместе”, — он знал, как тяжело мне будет без него. Правда, я была окружена такой чуткой, такой любящей семьей. Сразу пришли о. Каллист и Марина Феннелл, молились, помогали все устроить и одеть Николая Михайловича. Я осталась с ним одна только остальную часть ночи. Был такой глубокий мир вокруг нас и не было места горю.

С утра стали приходить друзья, служились панихиды. Приехал о. Михаил Фортунатто, близкий и родной. Всех поражал светлый и особенный образ Николая Михайловича. Его лицо было освещено улыбкой. В эти дни он, окруженный молитвой и любовью, был так близок к нам. Друзья привозили своих детей проститься с ним, и они получали незабываемый духовный опыт ”православной смерти”.

В среду положили в гроб и отвезли в церковь. Там он был на литургии Успения, в день, когда умерла его мать. В ночь на пятницу (16/19) молодежь совер-

шала в церкви всенощное бдение, читая над гробом Псалтырь. А я всю ночь с Володей, приехавшим к моему великому утешению из Швейцарии, мастерила крест для могилы.

Похороны Николая Михайловича будут, может быть, когда-нибудь описаны в подробностях, т. к. они были необычайны. Здесь же пишу лишь кратко. К началу заупокойной литургии приехали: владыка Антоний Сурожский, два греческих епископа, представлявших архиепископа Мефодия. С владыкой сослужили шесть священников: о. Каллист Вер, о. Василий Осборн, о. Михаил Фортунатто, о. Мелетиус (Петр) Вебер, о. Симеон (Христофор) Ляш, о. Бенедикт Расден и диакон Стефан (Савва) Клаидес — все друзья и ученики. Отсутствовал седьмой — о. Максимос (Михаил) Дали, находившийся в Румынии. Пел большой вдохновенный хор, составившийся из певцов, приехавших из разных наших приходов.

По свидетельству многих, переполнявших церковь, служба была удивительной, поистине христианской, полной света и упования, она ”напоминала пасхальную заутреню”, ”давала предчувствие вечности” и окружала Николая Михайловича и нас с Володей морем самой горячей любви. Старики и дети, русские и греки, православные от рождения и новообращенные, англикане и католики составляли одну сплоченную самим Колей семью. Мы с Володей и многие другие приобщались. Было три слова: владыки Антония, епископа Аристарха и каноника Дональда Олчина, представлявшего архиепископа Кентерберийского, благодарившего Колю от лица всей англиканской Церкви.

Длинная вереница ”дающих последнее целование” шла и шла, сосредоточенно и не торопясь. На кладбище длинное шествие возглавлялось маленьким

сыном отца Василия, несущим временный крест для могилы, на нем — имя и даты, а сверху слова Евангелия от Иоанна, всю жизнь вдохновлявшие отошедшего в вечность Николая Михайловича: "Да будут все едины". Гроб несли наши молодые друзья, символически представляя разные области его жизни: англичане Ральф Таунзенд, заведующий домом Св. Григория и Св. Макрины, и Михаил Донли — староста нашего русского прихода, Александр Попович, серб, ученый математик, наш прихожанин, грек-богослов Андрей Тилиридис, два внучатых племянника Коля и Димитрий Кульманн.

Корабль страданий

Медитация, продиктованная в госпитале, в отдельной комнате на седьмом этаже, с огромным окном, из которого было видно только небо.

"Я пишу с корабля страдания. Это путешествие началось неизвестно когда, и никто не знает, когда и чем оно окончится. Я совсем потерял ощущение времени. Мои друзья уверяют меня, что я нахожусь на этом корабле больше трех недель. Я верю им. Целые три недели вырваны из моей жизни, вырваны так, что все, что могло произойти в моих мыслях и переживаниях, просто не осуществилось, как будто я и не жил на этой земле, но я ее не покидал. Физически я был на ней и очень на ней, даже больше, чем в нормальных условиях. Каждую минуту каждая клетка моего организма цеплялась за жизнь, старалась не оторваться, не улететь в безвременное пространство, и это время не прошло даром. Все же

чему-то я научился. Научился я ценить величайший дар, данный нам Богом, именно, дар дыхания. Каждый из нас испытал тот блаженный момент, когда после долгой жажды к нашим губам прикасалась драгоценная влага, и даже совсем неважно какая: благовонный нектар или просто стакан водопроводной воды. И как все наше существо восклицало Богу: Слава Тебе, даровавшему нам жизнь. Или же после долгой голодовки, когда наше воображение рисовало нам самые заманчивые блюда, вдруг кусок хлеба или фрукт попадал нам в рот — какой незабываемый вкус испытывали мы при этом (надо сказать, что одним из испытаний Н. М. в госпитале была потеря возможности что-либо есть). Но что эти дары по сравнению с дыханием. Можно прожить без еды и питья иногда очень долгий срок, но без дыхания мы не можем выжить ни одной минуты. И вот на корабле страдания я научился следующему: с одной стороны, я сознал, как великолепен, чудесен, необходим самый простой акт дыхания, какие он нам открывает горизонты, какие доставляет радости. А с другой стороны, какие невыносимые страдания приносит все то, что мешает нам дышать. Здесь в больнице, на соседних кроватях со мною, лежат такие молодые, они поражены в своих дыхательных органах. Как они страдают, ночью и днем, без начала и без конца. Они мучаются на ложе пытки, боятся задохнуться и не задыхаются, хотят втянуть в себя живительный воздух и не могут этого сделать. И я нахожусь среди них. Я в лучшем положении, т. к. я все же могу дышать, но каждый раз как я вдыхаю, меня ударяет икота, и вместо нормального вдоха мелкая судорога потрясает мое тело. Вот какое испытание послал мне Бог, почему, зачем? На какой срок? Не знаю ответа. Надо терпеть, и я терплю и жи-

ву. Я Бога благодарю и всех моих друзей, которые молятся обо мне, окружают своей заботой. Целый океан любви изливается на меня. От Милицы, моих друзей, от наших священников. Во всем мире помнят обо мне и молятся. От докторов и сестер этого госпиталя, которые с таким вниманием, терпением и благодушием несут мою немощь, обмывают мое беспомощное тело, прогуливают по коридору, я вижу только одно добро. Правда, они заполняют меня бесконечным числом лекарств, берут мою кровь на исследование, делают радиографию разных частей моего тела — все это без всякой пользы. Мое сердце продолжает работать, мои легкие в порядке, у меня нет ни рака, ни серьезного вырождения ни одного из органов, а все же я очень болен и не могу покинуть корабля страдания. Вокруг меня серые монотонные волны океана и не видно берегов. Я с трудом вылезаю на палубу, чтобы подышать свежим воздухом, погреться лучами солнца, но это ненадолго. Надо спускаться вниз, в трюм и снова слушать монотонные удары волн, чувствовать содрогание корабля, отзывающееся в моем теле. Почему благой Бог попускает мучиться своему созданию?

Я думаю, ответ заключается в том, что мир не создан совершенным, смысл истории — это постепенное нахождение совершенства через добровольное сотрудничество Бога и твари. В этом процессе неизбежно происходят досадные срывы и тяжелые неувязки. Но ежели их не было бы, ежели не было бы этого сотрудничества твари в свободе, то вообще не стоило бы сотворять мир. Мы на земле можем себе представить только такой совершенный мир, который был бы абсолютно неподвижен. К нему ничего нельзя было бы ни прибавить, ни убавить. В этом совершенном мире не было бы возможности

ни чему-либо научиться, ни иметь никакого опыта. Все дышали бы как нужно, все были бы сыты и напоены, все всегда любили бы друг друга, но никто никогда не нуждался бы в любви, и не ощущал бы свободы. Это был бы мир мертвого совершенства, мир никому не нужный. В нем не было бы корабля страданий и вообще нельзя было бы странствовать. Каждый оставался бы на месте. Я лично предпочитаю тот мир, в котором я родился, и лобызаю длань Пославшего меня на путь страдания, благодарю Того, Кто поразил меня жалом смерти".

Вернувшись из госпиталя домой, в первый день свободный от икоты, Николай Михайлович продиктовал в дневник: "У меня чувство, что тот корабль страданий, на котором я плыл в госпитале, не видя берегов, пристал к берегу. Я снова чувствую себя самим собой, но я все еще на корабле и он снова может унести меня в открытое море, если только рука Господня не сведет меня на берег. Милица окружает меня любовью, теплом и жизнью. Она — мое солнышко. Слава Богу за этот день".

Глава 5

МИЛИЦА

Заканчивая эти личные записи и подводя итоги всему пережитому в последние годы нашей жизни, я хочу остановиться на образе Милицы, моей жены и верной спутницы. Более 50 лет мы строили нашу жизнь, вместе отдавали свои силы на служение Церкви и с каждым новым годом все больше становились едины.

Милица Владимировна Лаврова-Зернова родилась в Грузии в чисто русской семье. Оба ее деда были священниками. Лавровы были уроженцами Владимирской губернии, самого сердца Великороссии, и Милица принадлежала именно к этой части русской земли, наиболее сохранившей свою самобытность. Это была та Россия, которая не сломилась под игом татарской неволи, которая построила Московскую Державу и непоколебимо стояла на защите своей православной веры. От родителей Милица восприняла исконную русскую церковность, трезвенную и смиренную. От матери, уроженки Нижнего Новгорода, — горячую, трепетную веру и любовь к Церкви, которая была как бы в ее крови. От своих предков, сельских

священников, она унаследовала любовь к труду, выносливость и готовность служить людям.

Благодаря своей решимости, она не побоялась двадцатилетней девушкой одной оторваться от родного дома, уехать из Грузии в далекую Францию и начать там без денег и друзей долгую и упорную борьбу за свое медицинское образование. Получив в 1932 году докторский диплом с отличием, она была принуждена и дальше сдавать экзамены и добиваться права на практику, сперва во Франции, а потом в Англии. Начав университетское образование в Москве в 1917 году, она окончила его лишь в 1938-м в Лондоне. В своей медицинской и зубоврачебной работе она оказалась пионером и достигла высокого признания, получив степень консультанта лондонских госпиталей по хирургии рта.

Все эти годы напряженного труда она принимала деятельное участие в церковной жизни, сначала в создании Русского Студенческого Христианского Движения во Франции (она была первым старостой маленькой движенской церкви, созданной в доме 10 Bd. Montparnasse, где помещалось Движение), а потом в Англии, в работе Англо-Православного Содружества. Два экуменических центра: дом Святого Василия в Лондоне и дом Святого Григория и Святой Макрины в Оксфорде не могли бы быть осуществлены без ее помощи. Милица — прекрасный организатор. Она часто добивалась целей, казавшихся неосуществимыми. В моменты опасности не теряла голову и действовала умно, спокойно и решительно.

Но наряду с этой деловой, высоко ответственной Милицей была другая — неуверенная в себе, легко уязвимая и неумеющая сдерживать свои чувства. Эта Милица могла и обижаться и обижать. Я не встречал в моей жизни человека, у которого переходы из

одного состояния в другое происходили бы с такой быстротой и неожиданностью. С возрастом Милица стала ровнее, а ее способность начисто забывать обиды и огорчения, верить и радоваться продолжает давать нашей жизни свежесть и вдохновение юности. В этом мы с ней очень похожи.

Есть еще третий образ Милицы, особенно близкий и дорогой мне — Милица тихая, лучистая, с песней в душе, скромная и даже застенчивая. Эта поэтическая природа Милицы звучит в ее письмах и в особенности в ее иконах, обвеянных своеобразным талантом. Эта талантливость проявляется во всем, чего касаются ее руки. Как бы ни скудно приходилось нам материально, всегда и повсюду она умела создать наш своеобразный дом, в котором тепло и счастливо чувствовали себя все, приходящие к нам. В нем царила красота. Готовила ли она обед, шила ли себе платье, ставила ли на стол цветы, создавала ли один из наших центров, во всем легко и естественно проявлялось ее художественное дарование.

В отношениях с людьми Милицын большой дар — сердечная заботливость. Это особенно чувствуется в случаях болезней или несчастий. В своей медицинской деятельности она поистине следовала великой русской врачебной традиции — смотреть на каждого пациента как на единственное и сложное человеческое существо, и потому она всегда внушала всем своим разнообразным пациентам такое всецелое доверие. В детской же зубной клинике к ней посылали самых нервных или капризных детей, и она умела освободить их от страха и недоверия.

Эта многоликость Милицы может показаться отсутствием внутреннего единства, но, наоборот, она — исключительно целостный человек. За всю нашу долгую совместную жизнь я не мог бы себе

представить, чтобы Милица сказала мне даже полуправду, или скрыла что-нибудь от меня, или хотела бы показаться кем-то иным, чем она была. Всегда и повсюду она была правдива и верна самой себе и в своей силе и в своей слабости.

Описывая Милицу — даровитого врача, прекрасного организатора и человека с широким диапазоном души, я рисовал ее портрет как бы смотря на нее со стороны. Теперь я хочу сказать, что она дала мне лично. Прежде всего — свое горячее любящее сердце. Ее любовь была прозорливая и требующая от любимого всего лучшего и творческого, на что он был способен. В этой любви не было эгоизма, а ревность о единстве и подлинности нашего брака. Во все долгие годы нашей совместной жизни ее любовь не оскудевала и не колебалась, несмотря на длинные периоды разлуки со мной и на все мои увлечения. Милица умела прощать, и ее любовь знала меня и мое сердце лучше, чем часто знал их я сам. Нам было дано после горьких столкновений с новым чувством единственности нашего союза находить друг друга и бодро, радостно и дружно идти вперед. Наша жизнь была поединком, в котором не было побежденных. Как бы не занята была моя женушка своей врачебной и общественной работой, наша семейная жизнь была у нее всегда на первом месте. Она охотно ставила свои личные задачи и достижения на второй план. И это не значило, что она делала это с чувством самопожертвования. Она глубоко поняла и пережила миссию женщины и жены, не только горячо интересовалась моей деятельностью, но и смотрела на нее как на наше общее дело. Милица увлекалась религиозно-философской мыслью, у нее был свой творческий подход к богословию. Нередко она помогала мне в моей педагогической деятельности.

Все главы этого эпилога написаны нами вместе.

В моей жизни я получил много даров от Бога, но самым драгоценным из них была моя встреча с Милицей. Она сделала возможной для нас нашу долгую, творческую и счастливую жизнь. Без Милицыной помощи, совета и поддержки я не смог бы осуществить ничего. А в последние годы, когда Бог посетил меня испытаниями болезней, наши жизни слились совсем воедино. Милица стала не только моим врачом и сестрой милосердия, но и единственным другом и участницей моих самых заветных мыслей и чаяний. Со мной она страдала, и мы с ней теперь вместе благодарим за все Бога и вместе предаем Его святой воле нашу жизнь.

Николай Зернов

последний параграф продиктован дома 21 августа за три дня до смерти.

Заключение

СВЕТ ХРИСТОВ ПРОСВЕЩАЕТ ВСЕХ

Сейчас, когда я пишу эти строки, я так отчетливо вижу всю мою жизнь. Вижу себя мальчиком, незащищенным ни от радостей и горестей, ни от восторгов и страхов первых лет земной жизни. Вижу себя юношей, полным новых переживаний, вдохновений и соблазнов. А затем начинаются кровавые годы революции, когда наша семья ежедневно ожидала своей гибели. Чудесное спасение от большевиков, Константинополь с его даром свободы и жребием нищеты, Сербия, университет, начало Русского Студенческого Христианского Движения, переезд в Париж — столицу русской эмиграции, встреча с западным христианством, женитьба, Содружество Св. Мученика Албания и Преп. Сергия Радонежского, работа над докторской диссертацией в Оксфорде, сбор средств на нужды Русской Церкви, лекции в богословских колледжах и проповеди в английских церквах и соборах, мои первые книги, Вторая мировая война, основание дома Св. Василия Великого в Лондоне, преподавание в Оксфордском университете, Индия, Америка, путешествие вокруг света, дом Святых Григория и Макрины в Оксфорде, выход на пенсию, закатные дни.

Чем ближе я приближаюсь к грани земного бытия и чем больше я вглядываюсь в пережитое мною, тем яснее становится мне, что я все время шел по некоему предназначенному мне пути. Ярко встают в моей памяти события прошлого и все очевиднее раскрывается их внутренняя связь. Всю мою жизнь передо мной стояли неотложные задачи, и я сосредоточивал все мои силы для их достижения. Часто препятствия, стоящие передо мной, казались непреодолимыми, иногда я чувствовал себя на краю пропасти, но всякий раз передо мной открывался поворот дороги и я мог идти дальше. Но я никогда не знал, что ожидает меня в будущем. Надежды и опасения сменялись в моей душе. Я не мог сознавать себя господином своей судьбы, тем более, что важнейшие перемены в моей жизни осуществлялись благодаря дружеской руке, вовремя протянутой мне то друзьями, то совершенно незнакомыми людьми, ничего не знавшими ни обо мне, ни о моих стремлениях. Без их помощи я никогда не мог бы достичь многих своих целей. Но если ни я сам, ни мои доброжелатели не были зодчими моей жизни, то кто же был ее руководителем?

Евангелие учит, что судьба каждого человека и всего человечества не является игрою слепой случайности и не подвластна неумолимому року, но находится в руках Творца, любящего и знающего свое творение. Эта вера, однако, не освобождает нас от ответственности ни за себя, ни за участь других людей. Христианское мировоззрение парадоксально — чем целостнее человек вверяет себя воле Божией, тем большую обретает он свободу, тем сильнее его чувство ответственности. Бог никого не насилует. Он зовет нас к сыновнему сотрудничеству, а не к рабскому подчинению. Человек, отрицающий Боже-

ственное Провидение, склонен приписывать решающую роль в своей жизни счастливому или несчастному случаю. Он становится жертвой страстей и стихий земного существования.

Вглядываясь в жизнь окружающих меня людей, я всегда поражался, как целеустремленны и полны вдохновения были одни из них и как другие, казалось, бродили впотьмах, жаловались на бессмысленность своего существования. Несмотря на этот контраст, я верю, что каждый человек занимает ему одному принадлежащее место в жизни человечества, и его опыт не пропадает даром.

Чему же научила меня моя жизнь? Продумывая все испытанное мною, все отчетливее слышу слова, произносимые священником, совершающим Великим Постом литургию Преждеосвященных Даров: ''Свет Христов просвещает всех''. Этот Свет увидел я впервые в страшные дни красного террора. В продолжение всей жизни он то ярче разгорался, то становился слабее, но никогда не покидал меня. Несмотря на то, что я часто терял дорогу, этот Свет давал мне возможность находить ее снова. В этом Свете рождались во мне силы и упорство двигаться вперед и не терялась вера в конечный смысл всего со мной происходившего. В Свете Христовом я понял себя и все противоречия моей природы. Он же помог мне найти единство с любимыми и любящими меня людьми. Мне трудно представить себе мою жизнь, не озаренную этим Евангельским Светом. Все мое мировоззрение оформилось им, оно укрепило во мне надежду на конечную победу добра над злом.

Люди, не ведающие Христа, кажутся мне лишенными знания подлинного бытия. Утверждая это, я сознаю спорность моих слов, т. к. подавляющее большинство людей на земле не знали и не знают

христианского благовестия, а теперь даже те народы, которым было возвещено Евангелие, в массе своей отпадают от веры. Многим начинает казаться, что Свет Христов был временной иллюзией и что по мере роста "просвещения" и научных знаний он оказывается призрачным и ненужным.

Однако именно наша эпоха дает новое и поразительное доказательство того, как необходим для человека Свет Христов, и как без него он становится жертвой внутренних конфликтов. Грандиозный опыт, проделанный в Советском Союзе, — построение жизни всего народа на основе обязательного безбожия и на решительном отрицании всего того, чему учит Церковь, — раскрывает с новой силой, что именно принесло христианство в жизнь человечества и чего оно лишается, отпадая от него. Главным уроком, вытекающим из советского эксперимента, является то, что человек, отрекшийся от Бога, отрекается и от самого себя. Он легче попадает под власть тоталитарного строя, с его ложью, страхом и попранием человеческого достоинства. Ленинисты хорошо знают, что верующие могут оказывать то сопротивление их диктатуре, на которое не способен безбожный человек. Отсюда их непримиримая борьба с религией и в особенности с христианством. Ленинисты стремятся захватить власть над всем миром, но, поскольку пресветлый лик Христов не забыт человечеством, им не удастся добиться своей победы. Никогда не прекращающаяся в мире борьба между созидательными и разрушительными силами достигла в наше время небывалого напряжения, и Россия оказалась в центре мирового кризиса.

Я был юношей, когда моя родина была вовлечена в круговорот революционных событий. Вся моя последующая сознательная жизнь была окрашена пере-

живаниями, связанными с ростом коммунистической диктатуры. Моя семья и я оказались на стороне побежденных. Нашим жребием была эмиграция. Мы избежали пыток, тюрем и лагерей смерти — удел оставшихся в России. Наша Церковь испытывает гонения и унижения в эти лихие годы. Но это также время ее невидимой славы, когда мученики и исповедники свидетельствуют, что Христос есть воистину "Свет Разума" и "Солнце Правды".

Были периоды нашей жизни, когда голос родины не достигал нас и мы чувствовали свою трагическую оторванность от нее. Но мы продолжали верить в ее возрождение и посильно служили ей. За последние же годы все крепче становится связь с новыми поколениями русской молодежи — нашими внуками и даже правнуками. Над ними воссиял Свет Христов, и христианская вера вновь освещает их подвижническую жизнь и борьбу за духовное возрождение России.

А нас с Милицей ожидает встреча с непостижимым для нас новым потусторонним миром, и я верю, что Свет Христов, увиденный мною в этой жизни, не оставит меня и в моем новом существовании.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ACHEVÉ D'IMPRIMER
EN JUIN 1981
PAR JOSEPH FLOCH
MAITRE-IMPRIMEUR
A MAYENNE

N° 7527